

Проклятие
последнего
стража

Александра Морэн

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александра Морэн

Проклятие последнего стража

<https://litres.ru/73529483>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сумеречный Бор таит древние тайны и опасности.

Лиара травница с тяжёлым прошлым, чья мать была казнена за колдовство, а брат всегда рядом, оберегая её.

Но всё меняется, когда в зимнем лесу она находит огромного медведя, пойманного в заколдованный капкан.

Его янтарные глаза хранят разум и силу, которая кажется почти человеческой. Освободив его, Лиара ощущает странный зов невидимую нить, связывающую их души.

Между человеком и зверем возникает что-то большее, чем страх что-то, что изменит их навсегда.

Содержание

Глава 1	4
Лес, который смотрит	4
Глава 2	16
Эхо золотого света	16
Глава 3	30
Пока мир был прежним	30
Глава 4	51
Разрушительный огонь	51
Глава 5	73
Бьёрн	73
Глава 6	86
Возвращение хранителя	86
Глава 7	110
Перед бурей	110
Глава 8	134
Отклик	134
Глава 9	143
Лисица в тени	143
Глава 10	158
Искра и сталь	158
Конец ознакомительного фрагмента.	183

Александра Морэн

Проклятие последнего стража

Глава 1

Лес, который смотрит

*Там лес густой и магии поток,
Там щебет птиц и шум воды далёк,
Там древний страж хранит секрет бессмертных,
Там каждый шаг твой может стать последним.*

Лес всегда знал её. Когда Лиара ступала на узкую тропу, утопанную между корнями древних величественных сосен, снег хрустел тихо, как будто не хотел выдавать её присутствие. Ветви над головой склонились низко, тяжелые от инея, и казалось, будто лес наблюдает. Она привыкла к этому ощущению.

Лес смотрит.

Лес слушает.

И иногда - помогает.

Лиара плотнее закуталась в старый тёмно-зелёный плащ,

который при всей своей древности и обветшалости не мог скрыть изящности её фигуры и красивой осанки. Под матерчатым капюшоном её согревало облако непокорных тёмно-каштановых волос, которые будто живя своей жизнью неровили выглянуть наружу.

Мороз был острый, колкий, такой, что дыхание превращалось в белые облака. Но ей нужно было идти глубже в лес.

Сумеречный Бор в это время года был окутан мягким снегом.

Корень лунника растёт только там, где земля ещё хранит старую магию. В деревне за него платили серебром. Да и ей он нужен был для изготовления множества снадобий.

Добыть лунник не просто, мало кто из людей рискнул бы зайти так далеко в дебри. Но Лиара с детства бывала тут, ей знаком этот лес. Её мать научила её любить эти места, чувствовать лес, прислушиваться к нему, разговаривать с ним как с живым.

Теперь, когда она уже давно не ребёнок она считает этот лес своим другом, она ощущает его древнюю магическую силу, говорит с ним, чувствует себя в безопасности. Он всегда оберегал Лиару она знала это и была уверена в каждом своём шаге.

Она остановилась и присела возле тёмного пятна под снегом. Осторожно разрыла землю ножом. Вот он. Белый корень, похожий на тонкие пальцы.

— Нашла тебя, — тихо сказала она.

Вокруг стало слишком тихо. Лиара замерла. Эта тишина была была какой-то неправильной, гнетущей. Ни шороха зверя, ни пения птиц. Только ветер.

А потом она услышала это. Глухой звук. Сначала ей показалось, что дерево треснуло под тяжестью льда. Но звук повторился. Глухой. Тяжелый. Больной. Рык.

Она медленно поднялась. От резкого звука ее бросило в жар и сердце судорожно забилося.

Охотники иногда ставили в лесу капканы. В них попадались олени, волки...иногда — медведи.

Она знала, что должна бежать в сторону дома и как можно быстрее. Об этом буквально вопил здравый смысл и инстинкт самосохранения, разгоняя адреналин по крови громкими ударами сердца.

Развернуться и уйти. Вот что ей нужно сделать.

Но звук снова раздался.

Теперь ближе.

И в нём была такая боль, что у Лиары невольно подкосились колени. Эта мука затронула что-то глубоко внутри и эхом отозвалась тысячами мурашек, пробежавших по телу.

— Какое безумие, — прошептала она, зная, что собирается сделать.

Лиара сжала серебряный нож крепче и пошла на звук, глубоко в тёмный подлесок.

Снег становился глубже. Она аккуратно ступала, стараясь не шуметь.

Хорошо бы остаться незамеченной, на случай если придётся уносить ноги.

Она постепенно погружалась всё глубже в лес. Тут было чуть темнее из-за густоты вековых деревьев и их переплетающихся крон.

Лиара уже ругала себя за глупость. Голосом Арвина в её голове звучали предостережения и напутственные речи, которыми дорогой братец потчивал её ежечасно.

После смерти их матери он по-братски излишне опекал младшую сестру.

И вот на снегу появились следы.

Огромные.

В горле пересохло.

Лапы были размером почти с её голову!

— О боги... — прошептала она.

Следы вели к поваленному дереву.

А за ним она увидела его.

Медведь.

Громадный.

Чёрная шерсть была покрыта инеем. Он лежал на боку, тяжело дыша. Его передняя лапа была зажата в железном капкане.

Кровь пропитала снег вокруг.

Видимо, зверь провёл уже немало времени в этой мучительной ловушке.

Медведь поднял голову и посмотрел на девушку своими

янтарными глазами.

От страха она ощутила электрический ток, который будто мелкими иголками пронзил все конечности. А завтрак стал предательски подниматься по пищеводу.

Но Лиара взяла себя в руки и быстро сообразила, что зверь ничего ей не сделает. По крайней мере пока он находится в своей ловушке.

Какое-то время, находясь в шоке, она просто оставалась на месте.

Она ожидала ярости.

Ожидала рыка.

Но медведь только смотрел.

Его глаза были... странными.

Не звериными.

Золотыми.

И слишком разумными.

Она поняла две вещи одновременно.

Первое — он мучается.

Второе — он не будет пытаться напасть.

Медведь был слишком слаб.

— Кто это сделал... — тихо сказала она.

Она знала ответ. Охотники.

Приняв решение и выдохнув, Лиара начала постепенно двигаться к зверю.

Медленно. Очень медленно.

— Если ты меня съешь, — пробормотала она, — это будет

крайне неблагоприятно.

Медведь не двигался.

Его дыхание было тяжёлым.

Она опустилась на колени возле капкана.

Железо было старым, ржавым, но крепким.

Лиара глубоко вдохнула.

— Ладно, — сказала она. — Попробуем договориться.

Она посмотрела медведю в глаза.

— Я открываю капкан.

Ты не ешь меня.

Справедливо?

Медведь моргнул.

И оставался неподвижным.

Влажными, трясущимися руками она взялась за рычаг.

Металл был холодный и скользкий. Девушка мысленно отругала себя за то, что не надела перчатки.

Она глубоко вдохнула, стараясь не смотреть прямо в янтарные глаза зверя.

— Тише... — прошептала она едва слышно.

В её руках по-прежнему был нож для сбора трав. Лезвие было небольшим, но крепким — именно им она обычно подрезала толстые корни.

Она осторожно нащупала узкую щель в механизме капкана, там, где сходились зубчатые дуги.

Лиара осторожно просунула серебряный нож в щель. Лезвие едва коснулось дуг, от излишнего напряжения рука де-

вушки соскользнула, ударившись о край заострённого металла.

Несколько больших капель крови вытекло из раны и с едва слышным звуком упали на снег. На мгновение показалось, будто воздух вокруг содрогнулся, невидимая нить натянулась между ней и медведем. Он слегка дернулся, глаза его на мгновение загорелись необычным светом — и снова вернулись к своему спокойному янтарному сиянию.

Лиара даже не обратила внимания на порез. Раны были ей не в новинку: руки покрывались ссадинами и мелкими порезами от частых сборов трав, колючих веток и жестких корней, а на её коже уже осталось достаточно шрамов, чтобы они стали привычными спутниками её работы.

Металл неохотно поддался, когда она просунула кончик ножа внутрь.

Пальцы Лиары дрожали.

Если она ошибётся — пружина захлопнется снова.

Она упёрлась ладонью в рукоять и медленно провернула нож, пытаясь сдвинуть заевший фиксатор.

Секунда. Другая.

Металл тихо заскрипел.

И вдруг —

щёлк.

Пружина ослабла, зубчатые дуги резко разошлись в стороны.

Капкан раскрылся.

Лиара отдернула руку и замерла, сердце бешено колотилось в груди.

Теперь всё зависело от того, как отреагирует медведь.

Медвежья лапа освободилась.

Лиара резко отшатнулась.

Ну вот и всё. Что будет дальше — она не думала. Плана отступления не было.

Но она точно знала, что резкий побег может сделать только хуже, раззадорив зверя и провоцируя его на погоню.

Оставалось надеяться, что он либо не голоден, либо слишком слаб, чтобы попытаться её съесть.

Медведь не двигался несколько секунд.

Потом медленно поднялся. Он был ещё больше, чем казался.

Огромный.

Мускулы перекачивались под чёрной шерстью.

Лиара стояла, не дыша. Сердце колотилось, рискуя вырваться из груди.

Кровь шумела в ушах. Она понимала, что подошла к смерти ближе, чем когда-либо. Так глупо погибнуть в двадцать лет, задранной медведем в лесной глуши.

Если он сейчас нападёт...

На мгновение медведь остался неподвижным, словно сам не верил, что стальная хватка исчезла. Потом медленно, тяжело он вытянул освобождённую лапу из раскрытого капкана.

Лиара невольно задержала дыхание.

Зверь поднялся.

Он был огромным — куда больше любого медведя, которых ей доводилось видеть раньше. Когда он встал, его массивная спина почти сравнялась с низкими ветвями елей, а широкие плечи казались такими мощными, будто выточенными из тёмного камня.

Они стояли под густыми кронами старых деревьев, и в лесу было полутемно.

Свет едва пробивался сквозь переплетение ветвей, падая редкими серебристыми полосами на снег.

Но даже в этом приглушённом свете его шерсть блестела.

Густая, тёмная, почти чёрная, она отливала мягким бурым оттенком, когда на неё падал холодный зимний свет. Снежинки застряли в густой шерсти на плечах и спине, таяли и превращались в крошечные капли, сверкавшие как стекло.

Медведь медленно перенёс вес на освобождённую лапу.

Мышцы под шерстью перекатились тяжёлыми волнами.

Он был силой — живой, дикой, древней.

Лиара вдруг поняла, что рядом с ним чувствует себя маленькой и хрупкой, словно тонкая веточка под огромным деревом.

Что ещё раз напомнило ей, как легко он может её убить.

Но больше всего её поразили его глаза.

Янтарные.

Не мутные, как у обычного зверя, а ясные и глубокие, словно в них горел тёплый золотой свет.

Они смотрели прямо на неё — внимательно, спокойно... почти осмысленно.

И в этот момент Лиаре показалось, что перед ней стоит не просто зверь.

А кто-то, кто понимает её так же хорошо, как она понимает его.

Так близко, что она могла почувствовать тепло его тела.

Девушка невольно зажмурилась, готовая к худшему.

Как назло, в голову не шла ни одна молитва.

О чём там обычно люди думают перед смертью?

Он остановился.

Повернул голову.

И снова посмотрел на неё.

Эти золотые глаза задержались на ней дольше, чем нужно.

А затем — с какой-то невероятной скоростью — медведь исчез между деревьями.

Лес снова стал тихим.

Лиара долго стояла неподвижно. Сердце всё ещё колотилось так сильно, что отдавалось в висках.

А потом весь шок от пережитого разом обрушился на неё.

Лиара опустилась на колени, и из её горла вырвались судорожные рыдания. Истерика длилась несколько бесконечных минут.

— Отлично, — пробормотала она наконец, зло вытирая

слёзы.

Она злилась на себя за такое глупое распоряжение собственной жизнью.

— Теперь я спасаю медведей.

Лиара подняла сумку с травами.

Руки всё ещё слегка дрожали. Она торопливо вытерла ладонью мокрые от слёз щёки и глубоко вдохнула холодный зимний воздух, пытаясь привести себя в порядок.

Ноги казались ватными, будто она прошла не через поляну в лесу, а через что-то куда более тяжёлое и странное. Лиара поправила на плечах старый плащ и медленно зашагала по тропе в сторону дома.

Снег тихо скрипел под её шагами. Лес снова стал обычным — тихим, холодным, чарующе красивым.

Но вдруг она резко остановилась.

На одно короткое мгновение ей показалось, будто что-то незримое мягко дёрнуло её изнутри, словно между ней и тем местом позади натянулась тонкая, едва осязаемая нить.

Странное чувство — не боль, не страх...

Скорее тихий, настойчивый зов.

Лиара невольно обернулась.

Позади были только тёмные стволы деревьев, укрытые снегом, и медленно падающие с ветвей белые хлопья.

Никого.

Она нахмурилась, покачала головой, решив, что пережитое просто играет с её воображением, и снова пошла по тро-

пе.

Но где-то далеко в глубине Сумеречного Бора огромный чёрный медведь всё ещё стоял среди деревьев...
и смотрел ей вслед.

Глава 2

Эхо золотого света

Нить золотая по коже скользит

Эхом внутри отзываясь

Незримая связь и зовёт и манит

Магию сил пробуждая

Лиара шла по заснеженной тропе, стараясь ступать как можно тише. Ноги казались ватными, а руки всё ещё дрожали после встречи с медведем.

Она не спешила, каждое движение давалось с трудом — не столько от усталости, сколько от странного предчувствия, что всё это ещё не закончилось.

Да, медведь её не убил. Она выжила. Чудесно.

Но внутри оставалось тревожное, гнетущее ощущение незавершённости.

Кажется, на этот раз я действительно вляпалась, — подумала Лиара, заметив дым, валящийся из трубы её дома.

Дом стоял на краю деревни — деревянный, с низкой крышей, почти сливающийся с тёмной стеной леса.

Внутри пахло пряными травами, дымом очага и старой древесиной.

У камина сидел Арвен.

Он был высоким и широкоплечим, как и большинство кузнецов, проводящих всю жизнь у наковальни. Его спина оставалась прямой, движения — спокойными и уверенными.

Руки — большие, сильные, шероховатые от работы, покрытые мелкими шрамами и следами старых ожогов от искр. Кожа на ладонях огрубела за годы тяжёлого труда.

На переносице и щеках рассыпались мелкие веснушки — неожиданно весёлые для такого сурового лица.

Волосы у него были почти такого же цвета, как у Лиары — густые, тёмно-каштановые. Но на свету они отливали медью, словно в них всегда жила искра кузнечного огня.

Увидев его, Лиара попыталась улыбнуться как можно беззаботнее:

— Привет, любимый и дорогой братик!

Но, похоже, «дорогой братик» на подобную лёгкость настроен не был.

Арвен поднялся со стула, скрестив руки на груди, и серьёзно посмотрел на сестру.

— Как это понимать?

Его фигура выделялась на фоне огня в камине. Широкие плечи, строгий взгляд и ощутимая разница в росте делали его слова особенно весомыми.

Лиара внутренне сжалась, но виду не подала. Она стояла, гордо вздёрнув подбородок, и спокойно смотрела брату в глаза. На губах всё ещё играла обманчиво невинная улыбка.

— И какого хрена, скажи мне, ты снова одна попёрлась в лес? — сурово продолжил он. — Не строй из себя дурочку. В этот раз нас ждёт по-настоящему серьёзный разговор.

Тяжело вздохнув, Лиара сняла плащ и повесила его у двери. Арвен наблюдал за каждым её движением, словно ястреб.

— Ну? — требовательно протянул он.

Освободившись от плаща, Лиара расправила плечи и шумно выдохнула.

— Да. Я снова ходила в лес. Одна. Да, я знаю, что ты об этом думаешь.

Она подняла руку, предупреждая попытку перебить.

— Корень лунника. Его нужно было собрать сегодня. Срочно. Мне нужно сделать из него настойку, мазь и ещё гребаную кучу всего. Я просто не могла так долго ждать тебя с кузницы, мы бы просто не успели собрать его до темноты! В лавке все это уже давно разобрали.

В Вальдоре корень лунника был настоящей редкостью. Он рос только в местах сосредоточения древней магии, где редко ступала нога человека. Сумеречный Бор был как раз таким местом. Но даже тут этот корешок нужно было долго искать.

Снадобья и мази на его основе самый ходовой товар. Покупатели приезжают за ними с глубины континента. Это лучшее заживляющее средство от порезов, ран и любых повреждений на коже.

Лиара держала небольшую лавку где было множество

целебных снадобий, трав и всевозможных сборов. Лечебных, успокаивающих, обезболивающих мазей, настоек и лекарств, которые она готовила сама.

Кое чему ее научила мама пока была жива. Что-то она осваивала сама изучая травы и их свойства.

Арвен устало потёр переносицу.

— Тебе нужно было просто дождаться меня. Если бы тебя задрал какой-нибудь зверь... или, что ещё хуже, тебя выследил этот придурок со своими дружками... эти травы стали бы причиной твоей гибели.

Он покачал головой.

— Я знаю, что в лесу есть какая-то магия. Но меня это ни капли не успокаивает. Я думаю, что для тебя это слишком опасное место. Это не просто какой-то лес - это , мать его, Сумеречный Бор! Там кроме обычных волков и прочего зверья шастает множество магической швали.

— Не называй их так! — Моментально вспыхнула она

Лира любила магическую живность обитавшую в Бору. Лесные эльфы, дриады, потешные маленькие гномы, которые вылезали из своих уютных норок к середине весны. Только зимой лес был таим тихим, что казался необитаемым. Весной и летом ветви буквально кишели от множества волшебных существ. Они всегда были дружелюбными и никогда не обижали девушку. Они были детьми другого мира и к людям относились с опаской и осторожностью. Но Лиару они полюбили, не чувствуя от нее угрозы. Обычному чело-

веку ступившему на границу Сумеречного Бора они старались на глаза не показываться.

— Да бог с ними, с твоими эльфами или как их там, одни медведи чего стоят!

От упоминания медведей Лиара испугано вздрогнула, прогоняя из памяти образ громадного черного чудовища, стоящего к ней так близко.

Он резко замолчал, заметив порез на её руке.

— Что это? Почему ты не сказала, что ранена?

— Да вовсе я не ранена! — вспыхнула она, убирая руку от его пальцев. — Это просто неглубокий порез. Знаешь... лес и всё такое. Там иногда можно пораниться. — Нарочито беззаботно сказала она.

— Перестань язвить и дай посмотреть.

На этот раз он говорил уже мягче.

Арвен осторожно взял её ладонь и внимательно осмотрел рану.

— Похоже, как будто этому порезу уже не один день. — Помрачнел он. — Нужно промыть.

Он принёс небольшой ящик со снадобьями, бинтами и настойками.

— Да брось ты. Я и сама справлюсь. Это же просто пустяк.

— Слишком быстро затянулась... опять, — тихо сказал он, разглядывая розовые края раны после промывания.

Лиара выпрямилась.

— И что ты скажешь? Что я странная? Что со мной что-

то не так?

— Конечно нет, — спокойно ответил он. — Я считаю твою магию даром. Но здесь это называют колдовством. Ты даже не представляешь на что способны люди, когда они видят то, чего не понимают.

Он пристально посмотрел ей в глаза.

— Твоя сила прекрасна. Но ты не умеешь её контролировать. Она вырывается из тебя хаотично — так же, как и твои эмоции.

— Так, по-твоему, мне нужно было приказать порезу не заживать? — раздражённо бросила она.

— Прекрати. Ты понимаешь, о чём я. Люди могут увидеть. А с магами тут разговор короткий.

Он на мгновение замолчал.

— Мне кажется мама слишком беспечно отнеслась к проявлением твоей силы, не научила тебя как с ней жить.

— Она просто не успела... до её смерти магия очень слабо проявлялась — тихо сказала она.

При упоминании их матери в воздухе повисло напряжённое молчание.

Ее звали Мирена, она была тихой женщиной с мягким голосом и внимательными глазами. Лиара была слишком сильно похожа на нее. Та же широкая жемчужная улыбка, карие глаза в обрамлении пышных ресниц и густые волосы цвета спелого каштана. Каждый раз, когда Арвин смотрел на сестру, он видел живое напоминание о том, что не сберег свою

мать, не смог ее защитить.

Мирену называли целительницей. Немногие знали о ее магическом даре. Но даже этих немногих хватило для того, чтобы весть об ее волшебных способностях дошла до короля и его безжалостной гвардии.

Её казнили по обвинению в колдовстве. Забрали прямо из дома не дав попрощаться со своими детьми. Казнили её на центральной площади в назидание всем. Она была одной из первых. За ней последовали другие люди имеющие хоть крупицу магической силы. Король уже несколько лет отлавливал магов, боясь их восстания и захвата власти.

После этого Арвен перестал быть просто старшим братом. Он стал для Лиары всей семьёй.

После смерти матери, тогда ему было всего двадцать. Он только начал выходить из подмастерьев и мечтал о собственной жизни — друзья, ярмарки, редкие праздники, девичьи улыбки.

Но всё закончилось в один день.

С тех пор он работал почти без отдыха. Заботился о доме, о сестре, обо всём, что осталось от их прежней жизни.

Казнь мамы для Арвена стала настоящим потрясением. Он никогда не говорил об этом. Но Лиара знала, что он винит в её смерти себя. Он думает, что не смог её уберечь. Она слишком открыто применяла свою силу. Исцеляла людей, лечила детей, облегчала страдания умирающих. А он ее не предостерёг, не помешал, не заставил скрываться, хотя вол-

нения против магов уже были слишком осязаемы.

От того брат теперь так сильно опекал Лиару.

Но она никогда по-настоящему на него не злилась за это. Она слишком хорошо понимала, сколько он для неё сделал.

Её грудь тяжело поднималась. В глазах защипало.

Она родилась с этой силой. Не просила её.

Порезы заживали быстрее, чем должны. Сломанная ветка в её руках вдруг покрывалась почками. Цветы расправлялись, словно снова вспоминая о жизни.

Арвен всегда называл это даром.

Но всё равно боялся.

Он аккуратно перебинтовал её руку и накрыл её ладонь своей.

— Я знаю, — тихо сказал он. — Не злись.

И в этот момент Лиара впервые заметила, насколько он устал. Наверное, сегодня в кузнице был тяжёлый день.

Ей стало стыдно.

— Арвен, я хотела...

— Потом, — мягко перебил он. — Сейчас я принесу воды. Сделаю тебе ванну. Ты вся продрогла.

От этой заботы Лиара почувствовала такую благодарность, что на глаза вот-вот могли навернуться слёзы.

— Спасибо, — с улыбкой сказала она.

И в тот же миг вокруг неё на секунду вспыхнуло мягкое золотистое свечение.

В моменты сильных эмоций этот странный свет появлялся

на несколько коротких мгновений, как вспышка, и тут же пропадавал.

— Вот опять... — пробормотал Арвен. — Совсем не контролируешь.

Из-за этого он не хотел, чтобы Лиара с кем-то сближалась. Он знал, что сестра обречена на одиночество, хотя она совсем им не тяготилась.

Он задумался.

— Знаешь Лиара, в Вальдоре есть места, где магия не запрещена... Я не хочу, чтобы ты всю жизнь пряталась. — Грустно сказал он.

— О чём это ты говоришь? Ты хочешь от меня избавиться? Заставишь меня уехать?

— Ты знаешь, что я думаю на этот счет. Я не прощу себе если с тобой случится что-то. Мне страшно думать, что однажды они придут за тобой. Послушай, тебе нужно строить свою семью, выйти замуж, быть счастливой...

— Ты - это моя семья! Никуда я из дома не уеду. Нет того человека за которого я хотела бы выйти! — С вызовом бросила она.

— Для того, чтобы это понять нужно хотя бы попробовать сблизиться с кем-то. Но ты вынуждена скрываться! Это просто невозможно здесь. Ты должна поехать в Синегорье. — Она возмущенно фыркнула. — И чем быстрее тем лучше. — Продолжал он — Вспышки твоей магии уже слишком заметны. Только вопрос времени когда кто-то из посторонних

это заметит.

Они уже не впервые начинают этот разговор. Но с каждым разом делают это более ожесточенно. По мере того как проявляется её магия, страх Арвена становится все больше.

Она снова было хотела возразить, но Арвен дал понять, что разговор об этом закончен. Он понимал, что с упрямым характером сестры их спор мог длиться часами. Лиара не могла уехать... просто не могла. Одна мысль о том, что она окажется вдали от этих мест причиняла ей буквально физическую боль. Она не понимала, что именно удерживает её здесь: брат, лавка, лес .. или воспоминания о матери. Но мысли об отъезде были сродни изощрённой пытке. Будто в этом месте есть что-то без чего она просто не сможет жить.

Он серьёзно посмотрел на неё.

— А сейчас пообещай: больше не ходить в лес одной.

Лиара тяжело вздохнула.

— Хорошо.

— И держись подальше от Вардена и его дружков.

Она картинно закатила глаза. — Вот только снова не начинай. Ты преувеличиваешь. Он просто местный церёк, который ничего из себя не представляет без толпы тупых обожателей.

Варен был сыном городского старосты — и это, казалось, объясняло всё. Он ходил по деревне так, будто каждая тропинка принадлежала ему, а каждый взгляд должен был быть обращён в его сторону. Высокий, широкоплечий, с вечно

самоуверенной ухмылкой, он почти никогда не появлялся один. За ним всегда тянулась стайка таких же пустоголовых дружков — его вечных почитателей, которые громко смеялись над его шутками и повторяли каждое его слово, будто оно было особенно остроумным. Варен привык к тому, что ему не отказывают.

Местных девушек он уже давно успел обвести вокруг пальца — обещал им ленты, украшения, красивые платья из города, а иногда и просто говорил те слова, которые они хотели услышать. Многие верили. Некоторые потом плакали.

Одна девушка даже жаловалась, что он взял у неё больше, чем она была готова отдать. Но доказать ничего не удалось. Да и кто стал бы спорить с сыном старосты?

Поэтому люди просто отводили глаза. И теперь Варен, похоже, решил, что настала очередь Лиары.

Он уже несколько раз подкарауливал её в городе — появлялся будто случайно, пытался заговорить, шёл рядом слишком долго, смотрел слишком пристально.

Лиара каждый раз находила повод уйти — то резко сворачивала на другую улицу, то пряталась в лавке, то просто ускоряла шаг.

Она не боялась его по-настоящему. Но ей было неприятно. А вот её брат — тревожился.

— Я его совсем не боюсь. — резко сказала она.

— Держись от него подальше, — в его голосе была тревога. — Варен привык брать то, что ему нравится. И никто ему

за это ничего не делает. — Я не всегда могу быть рядом.

— Он просто деревенский идиот. Ты же знаешь, что я не ищу с ним встреч. К тому же я могу за себя постоять! Ты меня учил, и кажется у меня не плохо получается. — она чуть вскинула подбородок.

— Твоих приемов хватит, чтобы сбить с толку одного следователя. Может даже уронить его на землю и выиграть время, чтобы убежать. Но не тогда, когда их несколько.

Лиара открыла было рот, чтобы возразить, но он продолжил тише, серьезнее:

— И как бы тебе не хотелось это слышать... одна женщина против нескольких мужчин долго не выстоит.

Она упрямо отвела взгляд к окну где темнел зимний лес.

Брат продолжал:

— Мне не нравится, как он на тебя смотрит. Если что-то случится — беги. Не геройствуй.

Она тихо вздохнула.

— Обещаю. — с выдохом капитулировала она.

— Тогда я принесу воды. Сегодня был долгий день. Тебе пора отдохнуть.

Тяжёлыми шагами Арвен вышел за дверь.

Когда Лиара осталась одна, усталость навалилась на неё разом, будто кто-то снял с неё последние остатки силы.

Она закрыла глаза и медленно потерла виски.

Горячая ванна сейчас была бы настоящим спасением.

Через некоторое время брат тихо вернулся, поставил у

ванны последний кувшин с тёплой водой и, не сказав ни слова, снова вышел. Дверь мягко скрипнула и закрылась.

Комната наполнилась тихим плеском воды и запахом мыла.

Лиара осторожно, не торопливо сняла одежду, почувствовав легкое освобождение она с удовольствием опустилась в ванну.

Тёплая вода мягко обняла её тело, постепенно прогоняя холод из пальцев и напряжение из плеч. Она глубже вдохнула, позволяя усталости медленно растворяться в тепле.

Медведь. Лес. Ссора с братом.

Всё это казалось уже чуть дальше.

Она откинула голову на край ванны и закрыла глаза.

И вдруг что-то привлекло её внимание.

На запястье, прямо под кожей, вспыхнул слабый золотой узор.

Лиара резко выпрямилась.

Тонкие линии, похожие на переплетённые нити света, медленно проступали на коже. Они тянулись от запястья к ладони, едва заметно мерцая, словно внутри них текла живая огненная искра.

Она провела пальцами по коже.

В тот же миг узор погас словно его никогда и не было. Лишь лёгкое покалывание осталось на месте.

Лиара нахмурилась.

— Показалось... — пробормотала она, хотя сама не вери-

ла своим словам.

Она снова опустила в воду, стараясь успокоить дыхание. Но где-то глубоко внутри вдруг возникло странное ощущение. Тонкое. Едва заметное.

Словно кто-то невидимый коснулся натянутой нити — и она отозвалась внутри неё тихим дрожанием.

Лиара замерла. Сердце ударило чуть быстрее. Она вдруг отчётливо почувствовала то, чего раньше никогда не было.

Не страх. Нет. Скорее — чьё-то внимание. Как будто кто-то далеко... заметил её. И теперь наблюдал.

Лиара медленно повернула голову к тёмному окну. За стеклом стоял зимний лес — чёрный, неподвижный и безмолвный.

Всё было тихо. Слишком тихо. Она выдохнула и закрыла глаза.

Завтра разберусь...

Но лёгкий холодок, пробежавший по коже, уже не исчезал.

И где-то в глубине души шевельнулась тревожная мысль:

Что после сегодняшней встречи в лесу ее жизнь изменилась навсегда.

Глава 3

Пока мир был прежним

*Там где дыханье затаил
Свет золотой среди покоя.
Меня незримый зов манил
Среди полуденного зноя.
Но стоило лишь оглянуться,
Как в тени вспыхнул взгляд огня.
С тех пор мне кажется порою,
Что кто-то смотрит сквозь меня.*

Лиара проснулась от луча рассветного солнца, который пробрался к ней на подушку, подсвечивая разбросанные по ней пряди каштановых волос и заставляя их вспыхивать мягкими янтарными искрами. Тёплое прикосновение света скользнуло по её щеке, и она, сонно улыбнувшись, чуть глубже зарылась в подушку, наслаждаясь этим тихим мгновением пробуждения.

Её дыхание было медленным, спокойным. Где-то в груди ещё жило ощущение сна — тёплое, почти осязаемое.

Лиара попыталась вспомнить, что же ей снилось. Вопреки ожиданиям, её не преследовали кошмары с громадным медведем в тёмном лесу. Они не пришли к ней ни в первую

ночь, ни потом. Она даже не сразу заметила, но теперь лёжа в утренней тишине, вдруг ясно поняла, что прошло уже несколько дней.

Во сне она бродила по необычной цветочной поляне. Солнечный свет щедро лился с неба, золотыми потоками разливаясь по мягкой траве и бесчисленным цветам. Там росли нежные колокольчики, покачивающиеся на тонких стеблях, алые маки, похожие на вспыхнувшие язычки пламени, белые лесные лилии и россыпь маленьких голубых незабудок. Ветер едва касался их, и вся поляна тихо шептала, словно жила собственной жизнью.

Тёплый свет солнца скользил по лепесткам, заставляя их переливаться всеми оттенками — от мягкого розового до глубокого фиолетового. Пчёлы лениво кружили над цветами, и воздух был густым, тёплым, наполненным сладким, терпким ароматом трав и нектара. Казалось, его можно было почувствовать на языке.

В самом центре поляны возвышалась каменная арка. Она была древней — грубый серый камень местами потемнел от времени, местами покрылся мягким изумрудным мхом. По её поверхности вились тонкие ветви плюща, обвивая колонны и свисая зелёными гирляндами. Листья тихо шелестели на ветру, будто сторожили покой этого странного места.

На камне были высечены руны — незнакомые, древние знаки, чьи линии изгибались и переплетались в сложные узоры. Они мягко светились серебряным светом, словно внутри

камня тлела скрытая магия. Свет был спокойным и холодным, но в то же время живым, будто руны медленно дышали.

Солнечные лучи падали на арку, и серебряное сияние рунических знаков смешивалось с золотым светом дня. От этого казалось, будто сама поляна затаила дыхание, охраняя древнюю тайну, скрытую в камне.

Как замороженная, Лиара брела к этому странному проходу. Её тело было лёгким, почти невесомым, будто она шла не по земле, а скользила над ней. В груди медленно нарастало странное притяжение — тихое, настойчивое.

Арка звала её.

Тянула.

Манила.

Вот она уже близко. Осталось всего несколько шагов. Пальцы сами потянулись вперёд, к прохладному воздуху внутри арки. Ещё чуть-чуть...

И вдруг.

Что-то изменилось. Едва уловимое движение позади. Лёгкое, как тень. Как дыхание. Она была не одна. Это чувство пронзило её мгновенно, холодком скользнув по спине. Сердце на секунду сбилось с ритма.

Лиара резко обернулась.

В тени деревьев стоял незнакомец. Его силуэт был почти скрыт полумраком, словно сам лес пытался спрятать его. Но глаза...

Золотые.

Яркие, как пламя в глубине ночи. Они смотрели прямо на неё. И в этом взгляде было что-то, от чего невозможно было отвести глаз. В тот же миг сон оборвался.

Лиара лежала еще несколько секунд, глядя в потолок, пытаясь стряхнуть остатки сна. Почему-то на душе было странно легко.

Арвен, скорее всего, уже ушёл и не стал её будить — день в кузнице у него начинался ещё до рассвета. Лиара встала с постели и быстро оделась, ощущая, как внутри разгорается голод.

На ходу откусывая спелое, сочное яблоко, Лиара поспешно заплела густые волосы в косу, аккуратно вплетая ленту под цвет своего платья.

Платье она выбрала цвета пыльной розы, с вышитой серебряными цветами каймой, которую сама же и создала. Эта простая, но изящная деталь делала наряд особенным, простым и нарядным одновременно.

Платье мягко обтекало её фигуру и расширялось к низу, словно приглашая к движению. Но самым главным украшением была сама Лиара — уверенная, грациозная, со слегка усталой, но светящейся изнутри улыбкой.

Взяв корзину для сбора трав, она заметила, что не все необходимые растения были тут. Теперь она собирала травы не далеко от дома, Арвен за последнюю неделю всего раз сопровождал её в лесу. Поэтому "улов" был более чем скромный.

— Это лучше, чем ничего,— со вздохом сказала она. Затем улыбнувшись она надела тёплый плащ и взяла в руки корзинку. Не теряя ни секунды она выбежала на улицу направляясь к своей лавке, вдыхая свежий утренний воздух.

Лиара вышла на центральную улицу, и утро сразу обняло её мягким, живым шумом.

Деревушка уже проснулась — неторопливо, по-домашнему. Деревянные домики, тесно прижавшиеся друг к другу, тянулись вдоль дороги, крыши их ещё хранили следы ночного холода, а из труб лениво поднимался дым. Всё здесь было знакомо до мелочей — каждая калитка, каждая тропинка, каждая скрипучая ступенька.

— Лиара! — окликнули её.

Она повернула голову и улыбнулась, легко кивнув старому Тарену. Тот, как и всегда, возился у своей лавки, прищурившись, но при виде неё лицо старика сразу смягчилось.

Чуть дальше, у прилавка с тканями, стояли две женщины — одна с пышной косой, выбившейся из-под платка, другая — румяная, с быстрыми живыми глазами. Они о чём-то спорили, перебивая друг друга, но, заметив Лиару, тут же расплылись в тёплых улыбках.

— Доброе утро, милая!

— Опять рано на ногах?

Лиара тихо рассмеялась, отвечая кивком. Их голоса, лёгкие и звонкие, словно вплетались в общий гул улицы.

От пекарни тянуло тёплым запахом свежего хлеба и мёда.

Дверь была приоткрыта, и на пороге стояла хозяйка — полноватая женщина с мягкими чертами лица и тёплыми глазами. Она вытирала руки о фартук и что-то говорила мужчине с корзиной, но, заметив Лиару, кивнула ей с той самой улыбкой, в которой было больше уюта, чем в любом доме.

Люди переговаривались, смеялись, делились новостями — кто-то негромко, почти шёпотом, кто-то, наоборот, широко, не скрывая эмоций. Здесь не было чужих. Здесь каждый был частью этого тихого, тёплого мира.

Чуть дальше стояла небольшая библиотека — старая, с потемневшими от времени досками и узкими окнами. Лиара скользнула по ней взглядом и едва заметно усмехнулась. Там не осталось ни одной книги о травах, которую она бы не прочла. Ни одной заметки, ни одного старого свитка, способного её удивить. Иногда ей казалось, что она знает содержимое этих полок наизусть — вплоть до запаха страниц.

Улица постепенно наполнялась движением. Кто-то нёс вёдра с водой, кто-то поправлял на плечах тяжёлые мешки, кто-то просто стоял у ворот, скрестив руки, наблюдая за жизнью вокруг. И Лиара шла среди них, отвечая на приветствия, ловя на себе знакомые взгляды.

Здесь всё было простым. Понятным. Почти неизменным. И всё же... сегодня в этом привычном утре было что-то едва уловимо иное.

Лиара свернула с центральной улицы и остановилась перед своей лавкой. Небольшое деревянное строение выгляде-

ло скромно, но аккуратно. Над дверью висела вырезанная из тёмного дерева вывеска — на ней была изображена ветвь с тонкими листьями и крошечными цветами, переплетённая с изящным узором, похожим на старинный знак. Надпись на вывеске гласила "Травы Мирены".

Краска местами выцвела, но рисунок всё ещё выглядел живым, словно дышал. Она на мгновение задержала на нём взгляд — как всегда. Потом достала ключ и, привычным движением, провернув его в замке, толкнула дверь. Та мягко скрипнула, впуская её внутрь.

В лавке было тихо и прохладно. Запах сухих трав сразу окутал её — знакомый, тёплый, чуть терпкий. Он всегда встречал её первым. Свет из окна мягко ложился на ряды полок, тянувшихся вдоль стен до потолка. На них стояли глиняные горшочки, стеклянные бутылочки, небольшие мешочки, аккуратно перевязанные нитями. Где-то виднелись связки сушёных трав, подвешенные под потолком — тонкие стебли, листья, цветы, собранные в разное время и в разных местах.

Лиара сама всё это расставляла — по запаху, по свойствам, по силе. Она знала, где лежит каждая травинка, не глядя. Здесь не было ничего случайного. У дальней стены стоял её рабочий стол — чуть потёртый, с едва заметными следами ножа и тёмными пятнами от настоев. Рядом — ступка с пестиком, несколько чистых колб, связки новых трав, которые ещё предстояло разобрать.

Лиара тихо закрыла за собой дверь, на мгновение прислу-

шалась к этой привычной тишине... и едва заметно выдохнула. Здесь всё было на своём месте. И сейчас — ей предстояло вновь вдохнуть в эти травы жизнь.

Лиара любила возиться с травами. Это занятие умиротворяло её: тихий шорох листьев, сладковато-терпкий аромат сушёной мяты и ромашки, солнечный луч, пробивавшийся сквозь окно, создавали ощущение покоя.

Она напевала себе тихую песенку, слова которой давно забыла, но мелодия скользила по комнате, как лёгкий ветерок. Её тонкие ловкие пальчики без усилий мыли, очищали, резали и толкли корни и листья причудливых растений.

Солнце светило ярко, но мороз щипал щёки и нос, оставляя розовые пятнышки на лицах прохожих.

Дверь лавки тихо скрипнула, впуская внутрь поток холодного воздуха вместе с первой покупательницей.

— Лиара, милая, ты уже открылась? — в дверях появилась женщина, кутаясь в шерстяной платок.

Щёки у неё были покрасневшие от мороза, а кончик носа сделался совсем пунцовым.

— Конечно, госпожа Эльза, — с улыбкой отозвалась Лиара, не отрываясь от ступки. — Для вас — всегда.

Женщина облегчённо выдохнула и подошла ближе, протягивая руки горящему камину, который Лиара разожгла сразу по приходу.

— Уж не знаю, что с этим ребёнком делать... всю ночь кашлял, бедный. И не спит, и нам не даёт.

Лиара мягко улыбнулась, уже потянувшись к одной из полок.

— Сейчас посмотрим... — она сняла небольшую бутылочку с янтарной жидкостью. — Это поможет. По чайной ложке перед сном. И... — она на секунду задумалась, — добавьте немного мёда. Так будет мягче.

— Ты — настоящее чудо, — с теплом сказала женщина, принимая бутылочку. — Не знаю, что бы мы без тебя делали.

Лиара лишь тихо рассмеялась, чуть качнув головой.

Дверь снова распахнулась — на этот раз резче. Внутри вошёл холод и мужчина, поспешно прикрывающий рот рукавом.

— Апчи! — раздалось так громко, что где-то на полке звякнули стеклянные бутылочки.

Лиара подняла взгляд и не удержалась от лёгкой улыбки.

— Осторожнее, вы мне всю лавку простудите.

Мужчина смущённо хмыкнул, потирая нос.

— Да уж... — пробормотал он. — Похоже, мороз меня всё-таки победил.

— Или вы его, — с мягкой насмешкой ответила Лиара, подходя ближе. — Судя по звуку, борьба была ожесточённой.

Он невольно усмехнулся.

— Есть у тебя что-нибудь... чтобы это прекратилось?

— Есть, — кивнула она, уже наливая густой травяной настой в маленький флакон. — И для горла, и для кашля. Но

придётся потерпеть — вкус не самый приятный.

— После этого? — он снова чихнул, отворачиваясь. — Да я хоть болотную воду выпью.

— Вот этого делать точно не советую, — Лиара со смехом протянула ему флакон. — Мой настой куда безопаснее.

Мужчина расплатился, благодарно кивнул и, уже у двери, пробормотал:

— Спасибо, милая.

Когда дверь за ним закрылась, в лавке снова стало тихо. Только мягкий свет скользил по полкам, да запах трав наполнял воздух.

Лиара на мгновение остановилась, оглядывая всё вокруг. Уют. Тепло. Жизнь. Она едва заметно улыбнулась.

— Ну что... кто следующий? — тихо пробормотала она сама себе.

И снова вернулась к работе, словно это было самым естественным и правильным делом в мире.

Спустя несколько часов и дюжины покупателей Лиара стояла за прилавком, аккуратно разливая сироп в стеклянные бутылочки, когда дверь с тихим скрипом распахнулась. Холодный зимний воздух ворвался в лавку.

В дверях появился Варден.

Он вошел в дверь так, будто вела она не в чужую лавку — а в собственное владение. Широкими уверенными шагами, слишком громкими, будто каждый из них должен был быть услышан, он уверенно подошел к прилавку.

На нём была тёплая охотничья куртка из плотной, потемневшей от времени кожи, местами потертая, но добротная. На поясе — охотничий нож в простых ножнах, по всему было видно, что пользуется он им часто. Штаны из грубой ткани были заправлены в высокие сапоги, крепкие, с потёртыми носами и следами засохшей грязи.

От него пахло холодом, дымом и чем-то ещё — едва уловимым, но тяжёлым. Лесом. И кровью. Руки его были крупные и жилистые с натянутыми под кожей сухими мышцами. Не просто сильные — привычные к натяжению тетивы, к удержанию ножа, к скорее всего, к дракам.

Волосы у него были светло-русые, густые, слегка вьющиеся и чуть длиннее, чем у большинства здешних мужчин. Они постоянно спадали на лоб, и он то и дело отбрасывал их назад быстрым, почти небрежным движением руки — привычным, самодовольным жестом, в котором было слишком много уверенности в собственной привлекательности.

Он мог бы показаться красивым. Но всё это портил взгляд. Глаза у него были светло-серые, почти бесцветные — водянистые, холодные. И в них не было ни капли тепла. Только оценивающее, скользящее внимание. Как у человека, который привык смотреть на живое существо и думать не о нём — а о том, что с ним можно сделать.

Он улыбнулся. Улыбка была широкой, уверенной, почти красивой — но в ней не было ничего кроме самодовольства.

В деревне его знали. И многие девушки — тоже. Кто-то

смотрел на него с интересом, кто-то — с восхищением, кто-то — с надеждой. Он умел говорить нужные слова, умел улыбаться так, чтобы ему верили. Умел обещать.

Но Лиара знала другое. Она видела, как он смотрит. И этого было достаточно.

Его манера говорить была громкой, он не боялся кого-то перебить. Смеялся Варден так, чтобы его смех слышали все. И никогда не сомневался в том, что говорит. Даже когда несусветную чушь. Что делало его в глазах Лиары еще большим придурком.

Он не оглядывался - он оценивал. Взгляд скользил по помещению лениво, с лёгкой снисходительностью, будто всё вокруг уже заранее не заслуживало особого внимания.

Он вальяжно облокотился локтем о деревянную стойку. Вся его поза: осанка, расправленные плечи, приподнятый подбородок, говорили об уверенности. Это была не просто уверенность - а её наглая демонстрация, как будто он всегда находился на сцене.

Отвернувшись к полкам Лиара закатила глаза, моля всех богов, чтобы он поскорее ушел. Сделав глубокий вдох она собрала все свое самообладание и учтивость, чтобы пережить этот визит. Изобразив на лице невозмутимость девушка повернулась к нежелательному гостю.

— Лиара, детка! — от этого обращения её передёрнуло. — Надо же, у тебя открыто. Я уж думал, не хочешь ли ты спрятаться от всего мира, — нарочно растягивая слова, ска-

зал он.

— И от кого же, по-твоему, я прячусь? — приосанившись, спросила она. Его взгляд оценивающе и жадно скользил по её телу, задержавшись на груди.

Лиару замутило. От этого взгляда захотелось срочно помыться — таким липким и неприятным он был.

— От меня, конечно.

— Не очень хорошо у меня это, видимо, вышло, раз ты нашёл меня в моей же лавке, — саркастично заметила она и скрестила руки на груди в попытке защититься от его взгляда.

— Не заходишь в «Серого вепря», я давно тебя туда зову...

— Варден, ты зачем пришёл? — Лиара чуть склонила голову на бок и внимательно оглядела его, как доктор осматривает пациента, прикидывая что с ним не так. — Может, тебе нужна какая-то настойка? Травяной чай?

Она едва заметно прищурилась, и в её взгляде мелькнула насмешка.

— Может, отвар для мужской силы? Ты не стесняйся, если болен. Ко мне обычно приходят с хворями. Видимо, и с тобой что-то неладно, раз ты так сюда зачастил.

Его глаза на мгновенье расширились, а лицо побледнело — почти сразу в них вспыхнул гнев.

Голос его стал ниже и глубже, но по-прежнему в нём слышались игривые нотки.

— Лиара, милая, уверяю тебя, что с моей мужской силой

всё в полном порядке. Более чем. Но если ты тревожишься, предлагаю самолично в этом убедиться.

Он наклонился чуть ближе, словно пытаюсь проникнуть в её личное пространство. Лиара, стоя по ту сторону прилавка, невольно отступила, хотя раньше он никогда не заходил за перегородку. Варден напрягся, когда заметил этот жест.

— Ты так бойко кусаешься. Мне это нравится, — улыбнулся он, не сводя с неё хищного взгляда. Его улыбка больше походила на оскал.

— Ты правда считаешь, что это та часть, где я набиваю себе цену и соблазняю тебя? — раздражённо спросила Лиара, теряя терпение.

Он был до крайности непробиваем.

— Конечно. Я уверен, что ты уже без ума от меня. Все мы любим поиграть. — он многозначительно выгнул бровь. — Я уж точно. Лёгкая добыча никому не интересна. Быстрая охота до крайности скучна. Что толку с такого трофея? — пренебрежительно добавил он.

Лиара на секунду просто задохнулась от гнева, который её переполнял. Она, как рыба без воды, хватала ртом воздух, не в силах подобрать слова. Сделав глубокий вдох, она всё же сказала:

— Жаль портить твои влажные фантазии по поводу моей одержимости твоей особой, но то, что я говорю, — не игра, не притворство и не то, что ты там себе придумал. Моё «нет» значит просто «нет», — твёрдо сказала она.

Варден больше не улыбался. На его челюстях заходили желваки. Слова Лиары подействовали на него как ушат холодной воды, опрокинутый на голову.

Несколько долгих напряжённых мгновений они смотрели друг на друга.

Лиара постаралась вложить в этот взгляд всю свою решимость.

В этот момент зазвонил колокольчик, возвещая о приходе нового посетителя, разбив своим бодрым звуком густую тишину повисшую между ними.

На пороге стояла девочка лет десяти, с широкой улыбкой на веснушчатом лице.

— Лиара, привет! — весело и громко сказала она.

— Здравствуй, дорогая. — тепло улыбнувшись, сказала Лиара и, обходя прилавок, пошла навстречу девочке. объятия были тёплыми, чуть влажными — девочка вся была в снегу, который быстро таял в тепле лавки, оставляя на полу мокрые следы.

— Вы опять играли в снежки?

— Да, да, так весело! А я сделала снежного ангела! Пойдём покажу! — звонко пропела девочка, утаскивая Лиару в сторону двери.

— Элира, милая, я сейчас работаю. Давай в следующий раз.

— Обещаешь? — слегка насупилась девочка.

— Могу поклясться на мизинце, — полушутя сказала она,

выставив вперёд мизинец правой руки.

Это привело девочку в восторг. Она сцепила свой пальчик с её и торжественно спросила:

— Клянешься?

— Клянусь. — Лиара звонко рассмеялась — легко, искренне, и в это мгновение вокруг нее будто на долю секунды стало чуть светлее. Совсем немного, едва заметно, как если бы на миг вспыхнул тёплый огонёк — и сразу погас. Она этого не заметила.

— Ты за чаем? Мама послала?

— Как ты знаешь?

Лиара хитро прищурилась:

— Наверное, я ясновидящая.

Лёгким шагом Лиара подошла к полке у самой двери и сняла с неё два тканых мешочка, перевязанных бечёвкой.

— Это для мамы, — сказала она, протягивая их девочке.

— А это для тебя.

Она взяла с полки леденец в форме петушка, который у нее был как раз для такого случая.

Глаза Элиры расширились от радости и удивления.

— Ты самая лучшая! — нараспев сказала она, заключив Лиару в ещё одни мокрые объятия.

Со звонким смехом маленький ураган вылетел за дверь.

Но стоило двери за девочкой закрыться, Лиара осознала, что хорошее настроение ушло вслед за ней.

Несмотря на то, что она развернулась, намереваясь пойти обратно. Но на её пути встал Варден. Она даже не поняла, когда он успел подойти так близко. Его высокая, массивная фигура возвышалась над ней, отрезая путь. Лиара нервно сглотнула, встретившись с его жёстким серым взглядом. В груди неприятно сжалось.

— Значит, не нравлюсь тебе, да? — резко спросил он. В его голосе не осталось и намёка на игривость или насмешку. Это была злость. Чистая и ничем не прикрытая.

В этот момент он выглядел действительно опасным.

Она отступила на шаг, чувствуя, как между ними остаётся слишком мало пространства. Но он тут же сократил расстояние. Лиара пятилась, пока не уткнулась спиной в одну из полок.

Холод дерева упёрся в лопатки. Паника медленно поднималась внутри, тугой волной, сжимая грудь. И ещё сильнее накатила, когда его руки опёрлись о полки по обе стороны от её головы, загоняя в ловушку.

Мурашки пробежали по коже. Сердце забилося быстрее, глухо отдаваясь в ушах. Но она подняла подбородок и с вызовом посмотрела ему в глаза.

— Как же ты хороша... — прошептал он. — Возможно, ты тоже хочешь меня. Но боишься. Уверен, за этой бойкой бравадой стоит испуганная маленькая девственница. Можешь не бояться. Со мной тебе больно не будет, я буду очень осторожен. Хотя... обещать не могу. Уж очень ты сладкая... —

он ещё раз выразительно посмотрел на её грудь, обтянутую платьем. — Легко могу увлечься и потерять контроль.

Лиара просто сторала от стыда и унижения. Он был так близко и говорил такие вещи. По спине бежали мурашки, ладони вспотели. Его близость больше пугала, чем волновала её.

А от одной мысли о том, что он может к ней прикоснуться, к горлу подступала тошнота, смешанная с паникой.

В этот момент он буквально пожирал её глазами. Его взгляд хаотично бродил по её лицу, снова и снова останавливаясь на губах. Он был как безумный. Как одержимый. И это пугало вдвойне.

Севшим от испуга голосом Лиара сказала:

— Пусти... — и попыталась нырнуть под его руку, чтобы уйти в сторону. Но тут же его ладонь оказалась на её талии, притягивая девушку ближе к себе.

Теперь он прижимал её всем телом и тихо прошептал на ухо:

— Хватит от меня бегать. Кому нужно это притворство... Я уверен, что ты уже вся мокрая от того, что я к тебе так близко.

Он склонился еще ниже, почти касаясь её губ.

— Как же давно я хотел тебя вот так потрогать...

Его вторая рука скользнула к её затылку, сжимая волосы и настойчиво притягивая её к себе.

Он собирался её поцеловать. И это стало последней кап-

лей.

Она резко начала вырываться, пытаясь освободиться. Но Варден не спешил её отпускать. В голове всплыли все тренировки с братом, все приобретённые навыки защиты. Мысленно она поблагодарила Арвена за науку.

Своим небольшим каблуком она со всей силы наступила ему на ногу, вызвав его гневный рык. Пока он не оправился от шока, она нанесла быстрый удар коленом прямо по его мужскому достоинству.

Теперь ему определённо понадобится одна из её мазей. И, скорее всего, отвар для мужской силы тоже будет не лишним.

Варден сложился пополам и рухнул на колени, как подбитый. Из его горла вырвался сдавленный хрип — он зажмурился и пытался дышать ртом, хватая воздух короткими, рваными вдохами.

Кажется, ему было очень больно. Лиару это не волновало. В груди всё ещё колотилось сердце, руки дрожали, но она наконец почувствовала — свободу.

Она вырвалась из его хватки и, не оглядываясь, метнулась к двери. Дёрнула её на себя. Холодный воздух ударил в лицо, врываясь в лавку вместе с шумом улицы — голосами, шагами, скрипом снега.

Лиара резко развернулась.

— Уходи. Сейчас же, — сказала она, глядя на него. Голос дрогнул, но не сломался. — И больше ко мне не подходи.

Она сделала вдох, собирая остатки сил.

— Повторю ещё раз. Моё «нет» значит только «нет».

Варден медленно поднялся на ноги. Движения его были тяжёлыми, но в глазах уже не было боли. Только холодная ярость. Он смотрел на неё слишком долго.

И от этого взгляда по спине пробежал холод.

— Об этом ты точно пожалеешь, — тихо сказал он — Это я тебе обещаю.

Он развернулся и вышел за дверь.

Звякнул колокольчик. И стало тихо. Лиара так и осталась стоять на месте, будто не до конца понимая, что всё уже закончилось.

Его слова всё ещё звучали у неё в голове — не громко, не резко, но как-то слишком спокойно, слишком уверенно, от этого только сильнее цепляясь за мысли.

"Ты об этом пожалеешь".

Глупость. Конечно, глупость. Просто задело его самолюбие — вот и всё.

Она упрямо зацепилась за эту мысль, стараясь удержать её, сделать единственно верной.

Он ничего не сделает. Не посмеет. Такие, как он, любят давить, пугать, говорить громкие слова — но это всё только слова.

К тому же...

Лиара чуть выпрямилась, словно эта мысль сама по себе придавала ей уверенности. У неё есть Арвен. Этого уже достаточно. С ним никто не захочет связываться. Ни в дерев-

не, ни за её пределами. Его уважают, его боятся, с ним считаются — и уж точно никто не станет лезть в неприятности с его сестрой. Даже сын старосты не рискнул бы пойти против него.

Так с чего вдруг Варден решит, что может?

Лиара тихо выдохнула, позволяя этой уверенности заполнить пустоту внутри. Да. Всё в порядке. Ничего он ей не делает.

...не должен сделать.

Она на мгновение замерла, сама не заметив, как напряглись плечи. Тревога всё равно не ушла. Она осталась где-то внутри — тихая, упрямая, почти незаметная.

Как предчувствие.

Глава 4

Разрушительный огонь

*Там где доселе пустота,
Жила внутри по воле рока.
Твой разрушительный огонь,
Её разбил дождавшись срока.*

Лиара стояла посреди лавки, пытаясь унять внутреннюю тревогу, которая незримыми волнами накатывала на неё. Она глубоко дышала, в попытках успокоить сердцебиение.

Только что она была так близко к мужчине, как никогда в своей жизни. Она понимала, что его близость должна была как-то взволновать её, вызвать какие-то чувства и найти отклик в теле, хотя бы физический. Она должна была его захотеть, хоть на каком-то животном физическом уровне. Ведь он красив и силён, с этим девушка не могла поспорить.

Но почему этого не произошло? Почему ничего, кроме страха и отвращения, она не почувствовала? Эта мысль насторожила Лиару.

— Да что со мной не так? — прошептала она, растирая руками лицо в попытке отогнать неприятные мысли.

Может, она куда более странная, чем думает Арвен? Может, отношения, любовь и секс — это просто не про неё?

Варден предположил, что она должна быть мокрой от его близости и прикосновений... А может быть, она вообще не способна испытывать нечто подобное?

Эти мысли клевали ей мозг, словно стая стервятников окоченелый труп. Чувствовала себя она приблизительно так же.

Чтобы как-то отвлечься, Лиара решила заняться работой и начала сортировать корни чемерицы, стараясь не касаться их голыми пальцами, отделяя то, что пойдёт в настой от паразитов.

В то время как её руки были заняты, мысли продолжали свою неумолимую атаку.

Варден — мерзавец, с ним всё понятно. Это стало еще более очевидно после его сегодняшнего визита. Он жесток, себялюбив и невежественен.

Он был хороший охотник и правда знал своё дело. Но его удел был убивать — быстро и безжалостно. Лиара видела его занятие как полную противоположность тому, что делала она — исправляла, врачевала, возвращала и вдыхала жизнь.

Она бы с ним никогда не осталась.

Но есть ведь и другие парни: хорошие, симпатичные, скромные, умные...

Почему же её ни к кому не влечёт?

Такие вот милые пареньки иногда захаживали к ней в лавку. Кто-то за лекарствами, кто-то приходил поглазеть на хорошенькую девушку и переминался с ноги на ногу глупо улы-

баясь. Были и такие.

К ней часто приходили покупатели и из соседних деревень, а за некоторыми настойками приезжали из глубины континента. И все, кто заходил в «Снадобья Мирены», мужчины или женщины, были абсолютно очарованы этой девушкой, её открытой улыбкой, гордой осанкой и самобытной красотой.

Мужчины в её присутствии шутили чуть чаще, и смеялись чуть громче. Но никого из всех она не заметила. Не выделила про себя кого-то особенного.

Все для Лиары были одинаково неинтересны в романтическом смысле. От этого она никогда не тяготилась своим одиночеством и скучной жизнью, в которой не было места любви, прогулкам, вздохам и романтическим отношениям.

Но произошедшее сегодня впервые заставило Лиару задуматься... А насколько это нормально для молодой девушки — не хотеть ни одного мужчину?

Когда подобные мысли оставили её, она снова вернулась к переживаниям по поводу угроз Вардена.

Ничего он не сделает, — твёрдо подумала она. Во-первых: никто не захочет связываться с Арвином. Лиара упрямо цеплялась за эту мысль, будто за спасительную нить. Арвина знали не просто как кузнеца — как мастера, чьи работы не стыдились носить даже те, кто мог позволить себе самое лучшее. Его клинки служили годами, не подводя в самый нуж-

ный момент. За мастерство его уважали куда сильнее, чем за физическую силу. А силы у него было достаточно.

Лиара не раз видела, как он работал — тяжёлый молот в его руках казался почти лёгким, а удары — точными и уверенными, будто он чувствовал металл так же хорошо, как живую плоть.

И в драке он был таким же: спокойным, собранным, не троящим движения впустую.

Варден не мог этого не знать. Такие, как он, всегда знают, с кем имеют дело. И если уж на то пошло — нож в его ножнах... она бы поставила что угодно: работа Арвина. Узнаваемая линия, баланс, форма рукояти. Её брат вкладывал в свои вещи слишком много себя, чтобы их можно было спутать с чужими работами.

Значит, Варден уже держал в руках то, что сделал Арвин. Значит, понимал. И уж точно не стал бы искать с ним ссоры. Эта мысль звучала разумно. Почти убедительно.

Во-вторых, её слишком хорошо знали в городе. Обидеть её значило бы для Вардена общественное порицание, чего он не стерпел.

Все девушки, с которыми он проводил время ранее, уже имели сомнительную репутацию и сами были очень не против любого оказанного им внимания.

Лиару же знали почти все. Даже те, кто никогда в жизни с ней не говорил, знали, как она выглядит и чем занимается. Знали о том, что её лавка снадобий — лучшая в окрУ-

ге. Обидь он такую девушку — общественное мнение будет не на его стороне. А Варден привык видеть в глазах на него смотрящих уважение, восторг и благоговение.

Это был голос логики, и эти доводы рассудка ненадолго успокоили Лиару. Да и работа всегда помогала. Привычные движения — разобрать травы, переложить, взвесить, разлить — постепенно возвращали ей контроль. Пальцы снова стали уверенными, дыхание выровнялось.

Несколько покупателей развеяли остатки её тревоги, и казалось, всё уже в полном порядке.

Когда Лиара провела последнего покупателя, то с удивлением обнаружила, что уже начало смеркаться.

Это странно, — нахмурилась она, — Арвин обычно в такое время уже был здесь. Но не сегодня. Лиара уже накинула плащ и была готова отправляться домой.

Через десять минут напряжённого ожидания Лиара начала нервно постукивать каблуком по деревянному полу.

Так прошло около получаса.

За это время она уже тщательно замела пол, перебрала несколько полочек, расставив глиняные горшочки с успокаивающими травами в особом порядке: от сильнодействующих к слабым.

Словом, ей решительно нечем было больше себя отвлечь. Лиара мерила лавку нервными шагами, курсируя по ней туда-сюда.

В конце концов она не смогла выносить тревожных мыс-

лей, роем жужжащих в её голове. Быстро закрыла лавку, боясь передумать.

Девушка побежала по утоптанной за день снежной улице в сторону кузницы брата.

Вечерний мороз был куда крепче дневного. Стоило облизнуть пересохшие губы, как они тут же подмерзли. Ветерок был свежим и студёным. От её тёплого дыхания в воздух вылетали облачка густого белого пара.

Наверняка Арвин просто занят с каким-то заказчиком. С ним точно всё в порядке. Это же Арвин — даже если мир рухнет, его исполинская фигура будет гордо стоять в центре взрыва, ничуть не тронутая разрушением — думала Лиара нервно заламывая пальцы правой руки.

На улице окончательно стемнело. Из окон домов лился тёплый жёлтый свет, который, казалось, согревал одним своим видом. На воздухе удалось немного унять свою тревогу. Деревня медленно погружалась в вечерние хлопоты.

Редкие прохожие, которые направлялись к себе домой, встречались на её пути. Всё так и дышало спокойствием и умиротворением предстоящего домашнего вечера.

Ещё немного — и она будет возле кузницы.

И вдруг она заметила, что за ней кто-то идёт. Поспешно обернулась и увидела шагах в десяти от неё высокого мужчину. В полутьме не смогла разобрать, кто это. Через несколько секунд стало ясно — расстояние между ними сокращается. Он шёл быстрее. Целенаправленно преследуя девушку.

Не на шутку встревожившись она ускорила и уже почти бежала. Мужчина не побежал за ней. Она оторвалась.

Лиара подумала, как должно быть нелепо это выглядело. Человек, наверняка, просто спешил домой к своей семье. Она чуть было не отругала себя за глупость.

Но в следующий миг появился другой мужчина — он вышел из-за угла возле одёжной лавки и двинулся прямо к ней.

Теперь это уже точно не было случайностью.

Лиара бежала со всех ног. В горле пересохло. Расстояние между ней и преследователями становилось всё меньше.

Теперь она бежала так быстро как могла, не боясь показаться смешной или глупой.

Лиара выбежала на дорогу, которая вела к кузнице. Ещё каких-то триста метров — и она обнимет брата. По правую сторону от этой дороги виднелась лесная опушка. Уже было совсем немного. И паника отпустила.

Она почти на месте.

Оторвалась.

И вот, когда всё казалось уже позади, дорогу ей перекрыл Варден с насмешливой, высокомерной улыбкой на лице.

— Куда ты так торопишься, красавица? Думаю, мы с тобой должны продолжить то, что начали днём, как считаешь? — не скрывая злорадства, спросил он.

Теперь всё окончательно стало на свои места. Его утренняя угроза, двое мужчин, которые, как зверя, гнали её в ловушку...

Варден был уже близко. Вот-вот — и он сможет схватить её. Что последует за этим, Лиара старалась не думать.

Варден перекрывал дорогу, ведущую к кузнице, двое мужчин подходили сзади.

Теперь у неё было два пути: или сдаться, или попробовать убежать в лес.

От паники мозг туго соображал. Руководствуясь скорее инстинктом самосохранения, чем здравым смыслом, Лиара бросилась к лесной опушке в надежде скрыться среди деревьев.

Побежать ночью в лес, да ещё и зимой, когда холод подбирает до костей, — это глупо и отчаянно. Но, оказавшись перед выбором — отдать себя на милость Вардена или быть задранной диким зверем, — Лиара всё же выбрала второе.

И где-то теплилась надежда на то, что она хорошо знает этот лес и сможет запутать мужчин, спрятаться и переждать. После чего найдёт дорогу домой.

В надежде найти избавление Лиара мчалась, чтобы укрыться под кронами вековых деревьев. Она мысленно обращалась к Сумеречному Бору, моля о защите.

Варден и его компания были явно сбиты с толку тем, что она направилась в сторону леса. Но, не долго думая, все трое рванули за ней.

В Бору было не так темно, как думалось девушке. Белый снег будто сам светился изнутри. От этого казалось, что в лесу были вечные сумерки. Не намного светлее там было и

при свете дня. Лиара предполагала, что это как-то связано с магией этого места.

В Сумеречном Бору были вечные сумерки — как иронично, — подумала она. Эта мысль вдруг оказалась на грани истирики.

Она бежала и бежала, углубляясь в раскрытые объятия знакомого леса. В горле пересохло, дыхание было громким и частым. Она не знала, насколько далеко оторвалась от погони.

Когда бежать было уже физически невозможно: ноги болели, в груди кололо, сердце вбивалось в грудную клетку изнутри, — она всё же решила остановиться.

Но понимала, что шумела она просто непозволительно. Всё зверьё Сумеречного Бора уже знало, где она.

— Чудесно, — буркнула она себе под нос, остановившись передохнуть возле старого дуба.

Она зашла за него и присела в надежде спрятаться. Холода не ощущалось. Только тяжёлое громкое дыхание, которое она не в силах была унять, с шумом вдыхая воздух, тщетно пытаясь прийти в норму.

Лиара поплотнее закуталась в свой плащ и подумала, что каким бы тёплым он ни был, за ночь, проведённую в лесу, она, скорее всего, окоченеет.

Успокоившись, она внимательно осмотрела место, где была.

Поляна открывалась среди Сумеречного бора, и свет здесь

был странным. Не тёмным — но и не светлым. Снег не сиял под луной, а будто сам изнутри отдавал бледным, рассеянным свечением. Сероватым, мягким, лишённым теней.

Деревья по краям стояли плотной стеной, но их силуэты не уходили в чёрноту — они растворялись в этом тусклом свете, становясь частью леса, а не его границей.

Здесь не было ночи. Но и дня — тоже. Только это вечное, застывшее состояние между. И от него становилось неуютно. Словно время в этом месте шло иначе.

Лиара прислушалась. Тишина была гнетущей. Девушка пыталась услышать скрип сапог или хруст ветки — что-то, что могло бы предупредить её о надвигающейся опасности.

Но было тихо.

Девушка с облегчением подумала, что Варден и его дружки, скорее всего, побоялись бежать за ней так глубоко в лес. Она встала и огляделась.

Никого.

Она выдохнула — коротко, почти беззвучно. Может, ей просто показалось. Может, она свернула раньше, чем они успели догнать...

— Ты рано остановилась.

Голос прозвучал совсем рядом. Лиара вздрогнула и резко обернулась — но уже не туда, куда смотрела раньше.

Он стоял у самой кромки поляны. Не прячься и не спеша. Будто был здесь всё это время и просто ждал, пока она сама выйдет к нему.

Лиара не ответила. Она отступила на шаг — и почти сразу почувствовала спиной шероховатую кору старого дуба. Она прильнула к нему спиной в поиске хоть какой-то точки опоры.

Она замерла, прислушиваясь. И только тогда — тихий, почти ленивый хруст снега за спиной. Они не ушли. Лиара стиснула пальцы. Оборачиваться не было смысла, она и так знала, — Варден стоял перед ней, остальные — за спиной.

Он сделал шаг, медленный и спокойный. Будто не сомневался ни на мгновение, что она никуда не денется. Лиара невольно вжалась в ствол дерева сильнее.

— Не стоит, — тихо сказал он, предупреждая её возможное бегство.

Голос был ровным, почти мягким. От этого стало жутко.

Он подходил ближе..., еще ближе... слишком близко. Лиара резко дёрнулась в сторону — инстинктивно, почти не думая — и в тот же миг за спиной раздался резкий шум от шагов. Бежать было некуда.

Она остановилась.

Варден чуть склонил голову в бок, наблюдая за ней так, будто это была всего лишь игра.

— Вот видишь, — почти лениво произнёс он, одним шагом преодолевая оставшееся между ними расстояние .

Лиара чувствовала, как сердце бьётся всё быстрее, но заставила себя не отводить взгляд. Если уж отступать было некуда — она хотя бы постарается быть сильной.

Теперь он стоял совсем рядом. Рука поднялась — медленно, без спешки, и жёстко сомкнулась на её запястье.

Она дёрнулась в попытке вырваться — но хватка только усилилась.

Лес вокруг стоял неподвижно. Безразличный, седой и холодный, равнодушный к метаниям смертных. В его тусклом свете не было ни одной дороги прочь.

Грубая шероховатая ладонь Вардена грубо стиснула её лицо, пальцы вжались в щёки. Одним движением он повернул её голову вбок.

— Тебе, похоже, не до конца понятно, — тихо произнёс он у самого её уха.— Со мной не играют.

— Ты уже позволила себе лишнего, и кажется, решила, что тебе это сойдёт с рук.

Он сделал короткую паузу.

— Ты ошиблась, красавица. — он казалось упивался всей полнотой власти, которую имел над ней в этот момент. Её беззащитность распаляла его всё сильнее.

Голос мужчины стал тише, но от этого звучал ещё более угрожающе.

— Ты меня унизила. А такие вещи... не остаются без последствий. — Он наклонился чуть ближе.

— Придётся тебя этому научить.

Мысли каскадом пронеслись в её голове одна за другой. Брат не пришёл, всё было построено с самого начала. Страх, больший, чем за себя, сковал её и обездвижил полностью.

Глаза наполнились слезами.

Хриплым от страха голосом она спросила:

— Что вы сделали с Арвеном?

Варден усмехнулся — коротко, почти лениво.

— Твой брат оказался не таким простым, как я думал.

Пришлось его немного... остановить.

Пальцы на её запястье чуть сжались.

— Но не переживай, он ещё сможет тебе пожаловаться.

Но сегодня он нам не помешает.

Лиара поняла, что должна разговаривать, угрожать, сделать хоть что-то.

— Он найдёт тебя. — её голос звучал уже твёрже и увереннее. — Пусть не сейчас, а потом. Завтра, послезавтра — сколько ещё дней впереди. Он гораздо сильнее тебя, и ты это знаешь. Если ты мне что-то сделаешь, он живого места на тебе не оставит...

— Чи-чи-чи. Не нужно пустых угроз. Мы теряем драгоценное время на пустую болтовню. Но раз ты хочешь поговорить — я тебе объясню. Мне не терпится сбить с тебя эту спесь.

— Дело в том, что Арвен никогда не узнает о том, что здесь сейчас произойдёт. Ты ему ничего не расскажешь. — Его дыхание было прямо возле её уха, и с каждым произнесённым словом он вжимался ближе.

В его дыхании ощущался странный металлический привкус, что напоминало ржавчину или старую кровь.

— О, я определённо ему расскажу. — Лиара попробовала сыграть храбрость. Перед Варденом совсем не хотелось обнажать свой страх и беспомощность. Даже если он сильнее, — сдаваться она не собиралась.

— Ты не станешь рассказывать об этом брату... и никому не станешь. — Его голос был тихим, спокойным и уверенным.

Когда на ее лице отразилось недоумение, он продолжил:

— Я видел тебя сегодня. В лавке.— Он чуть наклонил голову прищурившись, будто вспоминая. — Ты смеялась. С той девчонкой, и даже не заметила, как вспыхнула светом.

Он наклонился ближе и уткнулся носом в её щеку втягивая дыхание.

— Красиво...— Почти шёпотом. — И совершенно безобидно.

Его голос в мгновение стал ледяным.

— Ты не можешь причинить мне вред.

Его пальцы медленно сжались, на её лице, сильнее надавливая на скулы.

—Поэтому я не боюсь. Одного моего слова хватит, чтобы о тебе начали задавать вопросы, и тогда ты окажешься там же, где когда-то оказалась твоя мать.

Он приблизился ещё, почти вжимаясь в нее.

— А ты ведь этого не хочешь.— и добавил почти мягко — Поэтому давай сделаем вид, что ничего не произошло. Это останется между нами, наш маленький секрет.

И уже совсем тихо:

— И если ты не желаешь окончить жизнь на плахе, то мы с тобой договоримся.

Слова доходили не сразу. Сначала — как будто мимо. Как будто он говорит не с ней. А потом — резко, как удар.

Он видел её магию.

Не просто заметил — он всё понял. Лиара замерла, и на мгновение всё внутри словно провалилось. Не осталось ни воздуха, ни мыслей — только это глухое, тяжёлое ощущение, что всё зашло слишком далеко.

Одно его слово — и её жизнь перестанет принадлежать ей.

Лиара стиснула зубы, но это не помогло. Страх больше не был просто страхом. Теперь это было ясное понимание того, что она не вырвется, не договорится.

Здесь. Сейчас. В этом зимнем лесу. Её ломают.

Он больше не говорил. Решение было уже принято.

Его рука сжала её волосы на затылке, резко притягивая ближе. Его губы требовательно терзали её, требуя раскрыться и в следующее мгновение его язык жадно исследовал её рот.

Лиара дёрнулась, сначала резко, почти яростно — но это не помогло. Только усилило хватку. Пока одна рука держала её голову, не давая отстраниться, другой рукой он сорвал с неё плащ.

Дыхание стало рваным, громким, чужим. Она пыталась вырваться — снова и снова, уже не думая, не рассчитывая,

просто — чтобы не стоять, не чувствовать, не дать этому случиться.

Руки Вардена без стеснения блуждали по её телу. Грубо. Требовательно. Жадно.

Лиара билась, как маленькая птичка в клетке, но силы уходили слишком быстро.

— Будь хорошей девочкой, — сказал он, наконец-то оставив её губы, — я не

хотел бы рвать это чудесное платье.

— Иди к чёрту! Ненавижу тебя! — зло выплюнула она, глядя ему в глаза. Слезы уже вовсю катились по её покрасневшим щекам.

— Какой, оказывается, грязный у тебя рот, — хищно улыбаясь, сказал он.

Варден схватил её за подбородок и грубо провёл большим пальцем по нижней губе.

— У меня на него сегодня особые планы.

И на одно короткое мгновение её накрыла паника — та самая, в которой исчезают мысли. Остаётся только чистый, оглушающий страх.

И в тот же миг что-то внутри оборвалось. Как будто страх достиг своего предела и больше не мог расти. И на его месте вспыхнула глухая ненависть.

Лиара стиснула зубы, не чувствуя боли, и рванулась ещё раз от ярости. От отчаянного, упрямого желания не отдать себя вот так. Она резко всхлипнула, срываясь в истерику без

слов.

И в этот момент что-то изменилось. Словно в этом давящем, чужом пространстве появилось ещё одно присутствие. Лиара замерла на долю секунды, сама не понимая, почему.

И вдруг, она почувствовала внутри себя нить. Ту самую. Она дрогнула и откликнулась.

И вместе с этим внутри Лиары что-то резко изменилось. Страх не исчез. Но перестал быть единственным. Его будто оттеснили. Чем-то более сильным и живым.

Тепло быстро сменялось жаром. Он поднимался изнутри, разрастаясь, заполняя грудь, руки, каждый вдох.

Лиара задохнулась — но уже не от страха. От силы, которую не могла удержать. Нить больше не просто соединяла. *Она проводила. Передавала через неё.*

Жар вспыхнул резко, и стремительно рвался наружу, не спрашивая, готова ли она.

В этот момент она увидела на своих руках тонкие золотые нити, проступающие под кожей и светящиеся изнутри. Они пульсировали в такт сердцу, становясь ярче с каждым вдохом, будто сама магия прокладывала через неё путь.

Свет ослепляюще вспыхнул. А в следующий миг — взорвался, как будто сквозь неё.

Варден не успел среагировать. Жар ударил в него жесткой и глухой волной. Его резко отбросило назад.

Он ударился о землю и проскользил по снегу, резко втянув воздух.

— Чёрт... — сорвалось у него сквозь зубы.

На мгновение он даже не понял, что произошло. Снег под ногами зашипел, потемнел и начал таять. Пара его прихвостней уже мчались вон из леса.

Поляна вспыхнула сначала тонкими языками огня, пробегающими по земле, по сухим веткам, по коре деревьев.

А потом — вся разом. Огонь стал подниматься выше, жадно и слишком быстро.

Лиара стояла в центре не двигаясь. Её дыхание сбилось, грудь тяжело вздымалась, а пальцы дрожали.

Свет всё ещё пульсировал под кожей. Она не управляла этим. Даже не пыталась. Сила продолжала идти через неё — рвано и неуправляемо, с каждым вдохом становясь сильнее.

Варден быстро вскочил на ноги. Он смотрел на нее иначе. В его взгляде впервые появился страх. Он осознал, что больше не контролирует ситуацию. И в следующую секунду он уже пятился, а затем развернулся и бросился прочь, побежал исчезая среди деревьев.

Лиара резко вдохнула, но выдохнуть не смогла — грудь сжало так сильно, что воздух застрял где-то между рёбрами, не доходя до конца, а сердце, сбившись с ритма, глухо и беспорядочно билось слишком высоко, почти в горле.

Жар перестал быть просто жаром — он разрастался внутри, заполняя её целиком, словно тело оказалось слишком тесным для той силы, что в нём проснулась. Вокруг неё вспыхивало пламя — рваными, живыми островками оно выры-

валось из неё там и здесь, с каждой секундой всё яростнее разжигая поляну.

Свет под кожей становился ярче, плотнее, и вместе с ним приходила боль — не резкая, не острая, а глубокая, тянущая, как будто что-то внутри медленно разрывало её, ломало привычные границы и подчиняло себе каждую клетку.

Её пальцы сжались, ногти впились в ладони, но это уже почти не имело значения — она переставала чувствовать тело как нечто целое, потому что сила проходила через неё непрерывным, нарастающим потоком, не спрашивая, выдержит ли она, не давая ни секунды передышки.

Она уже не стояла — держалась, из последних сил, чувствуя, как что-то внутри подходит к пределу, за которым не останется ничего. И именно в этот момент, на грани, когда стало пугающе ясно, что ещё немного — и её просто не станет, сквозь этот хаос прорвалось чужое прикосновение.

Чья-то ладонь легла ей на грудь — прямо над сердцем. Твёрдая. Настоящая.

И сила внутри дёрнулась, резко, почти болезненно, словно наткнулась на что-то, чего не было раньше и что не собиралось отступать.

— Тихо.— Голос прозвучал рядом — низкий и ровный, и в этой уверенности было что-то такое, что заставляло слушать, даже когда она уже почти не могла воспринимать слова.

Жар снова рванулся наружу, яростно, беспорядочно, но

теперь его движение изменилось — наткнувшись на это прикосновение, на эту точку, он словно замедлился, споткнулся, потерял прежнюю свободу.

Лиара судорожно вдохнула, ощущая, как сила всё ещё проходит через неё, но уже иначе — не разрывая, не вырываясь бесконтрольно, а будто перехваченная, удержанная, направленная чужой волей.

Когда ей удалось открыть глаза, он уже был перед ней — слишком близко, так, что его присутствие ощущалось не только взглядом, но и кожей, дыханием, самим пространством между ними.

Лиара чувствовала, он каким-то образом удерживает это. Эту силу. Через себя. Как будто принимает на себя весь поток, пропуская его сквозь собственное тело, не давая ему разорвать ни её, ни всё вокруг.

Жар всё ещё пульсировал, но в нём больше не было той хаотичной, разрушительной ярости — он становился ровнее, глубже, подчинённое, как будто кто-то задал ему границы.

— Дыши. — Голос прорвался сквозь шум. Низкий и чёткий. Слишком уверенный для этого хаоса.

Она вдохнула. Глубже. И впервые за всё это время воздух действительно дошёл до лёгких.

Лиара моргнула, но мир не прояснился. Всё расплывалось. Все разом смешалось: свет, тени, снег под ногами...будто она смотрела сквозь воду.

— Спокойно. Слушай меня. — Ладонь всё ещё была у неё

на груди — над самым сердцем.

Твёрдая. Уверенная. Она чувствовала её лучше, чем видела всё вокруг.

Лиара попыталась сосредоточиться, но перед глазами всё плыло. Она смогла рассмотреть только силуэт. Высокий, широкие плечи, тёмный, размытый на фоне тусклого света. Это был кто-то чужой, незнакомый. Она не могла разобрать лица. Только очертания и голос.

— Вдох. — Он сказал это тихо, но так, будто не было варианта не послушаться.

Лиара судорожно втянула воздух. Сначала рвано и неровно.

— Ещё раз.

Она зажмурилась, пытаясь поймать ритм. И снова вдохнула. Чуть глубже. Сердце всё ещё колотилось, но уже не так беспорядочно.

— Вот так.

Лиара сглотнула, собирая остатки сил.

— Кто... ты?.. — Голос сорвался — тихий и хриплый.

На мгновение повисла пауза. Он не отстранился. Не убрал руку. Только чуть наклонился ближе, чтобы она могла услышать.

— *Тот, кто должен был найти тебя раньше.*

Она замерла.

Всё перед глазами начало темнеть, будто свет медленно гасили изнутри, и вместе с ним уходили последние силы.

Звуки отдалились, стали глухими, расплывчатыми, а тело вдруг стало чужим — тяжёлым и непослушным.

Она почувствовала, как теряет равновесие. Как падает. Но падения не случилось. Её подхватили — резко, уверенно, не давая коснуться земли.

Сильные руки удержали её, прижимая к себе, и в этом коротком, ускользающем мгновении она успела ощутить тепло и твёрдость чужого тела — единственную опору в мире, который уже окончательно уходил из-под ног.

А затем всё исчезло.

Глава 5

Бьёрн

*Когда в тиши трещит мороз
И гаснет след в ночной тени,
Найдёт тебя не тот, кто ждёт —
А тот, кто связан изнутри.*

Что-то было не так.

Он вдохнул — и воздух обжёг лёгкие холодом так резко, что на мгновение перехватило дыхание, словно само это ощущение оказалось слишком острым и непривычным, будто он вдруг вспомнил то, что давно должен был чувствовать, но разучился.

Он не сразу понял, что изменилось. Сначала это было лишь смутное едва уловимое ощущение. Оно ускользало от него, не дав возможности себя осознать.

Мир вокруг не стал другим — снег всё так же лежал под ногами, сверкая тысячами кристаллов. Лес все так же стоял в своём тихом вековечном безмолвии.

Он стоял, не двигаясь, позволяя этому ощущению медленно развернуться внутри, и в какой-то момент понял, что впервые за долгое время чувствует себя... отдельно.

Не растворённым и запертым, а отдельным.

Мысль не исчезала, она оставалась в сознании. И именно это было необычно.

Раньше он тоже думал — но мысли не принадлежали ему полностью. Они расплывались, терялись, растворялись в инстинктах, в ощущениях, в той глухой, давящей тишине, в которой не было ни слов, ни формы. Теперь мысли были.

Бьёрн медленно опустил взгляд. И тут же замер.

Он увидел пальцы на своих руках. Затем он медленно сжал руку, наблюдая за тем, как под кожей уверенно перекачивается сила, как сухожилия ложатся в движение чётко и без лишнего усилия.

Он не сразу понял, что именно увидел.

Сначала — движение, лёгкое и послушное. Потом — форма. Человеческая. Знакомая и в то же время почти забытая.

Он провёл ладонью по предплечью, выше, к плечу, и остановился, будто прислушиваясь. Мышцы под кожей отзывались ровно, плотной, спокойной силой.

Пальцы легли на скулу, осторожно, почти недоверчиво, словно он касался не себя а кого-то другого. Кожа была тёплой и живой — подушечки пальцев царапнула легкая щетина, когда он провёл по ней рукой.

Бьёрн закрыл глаза, чуть сильнее сжав пальцы словно хотел убедиться окончательно — что это не исчезнет, не растворится, не окажется чем-то временным. Он провёл ладонью выше, к виску, вдоль линии волос, задержался там, поз-

воляя пальцам скользнуть сквозь пряди.

Бьёрн чуть развернулся, позволяя движению пройти через тело. Центр тяжести держался сам, шаг не требовал контроля, баланс был непривычным, но естественным, как дыхание. Он не возвращался к этому телу. Он был в нём.

Массивные плечи расправились медленно, почти лениво, занимая своё место. Он стоял спокойно, но в этой неподвижности чувствовалась мощь, которую невозможно было не заметить.

Он был человеком, который только что обрёл форму. Он выглядел тем, кто слишком долго был лишён её, и теперь получил обратно.

Бьёрн опустил взгляд ниже. Одежда осталась на нём. Тёмная, плотная ткань ложилась по телу чёткими линиями. Высокий воротник касался шеи, тяжёлый плащ спадал с плеч ровными складками, отбрасывая на снег глубокие тени, а под ним угадывалась более строгая, собранная одежда — сдержанная, но явно не случайная, не крестьянская, не простая.

Ткань была прочной, хорошо выделанной, местами потёртой. Она двигалась вместе с ним, подчиняясь каждому жесту, и в этом было что-то почти естественное, словно она принадлежала ему так же, как это тело.

Он провёл пальцами по краю рукава, ощущая грубоватую фактуру ткани, и это простое касание отозвалось странным, почти забытым чувством — не комфорта, не уюта, а... принадлежности.

Он не был выброшен в этот мир заново. Он вернулся в него. Он вдохнул глубже. Грудь расправилась, и это движение прошло через всё тело, усиливая ощущение силы, делая его ещё выше, ещё шире в плечах. Сердце билось ровно и спокойно.

Бьёрн слышал себя, свои мысли. Он дышал и чувствовал...он снова был человеком. От этой мысли его губы дрогнули в мимолётной улыбке.

Память не обрушилась сразу. Она поднималась из глубины медленно, заполняя сознание.

Он помнил каждый день заточения в своём зверином облики.

Сначала он считал дни, яростно и упрямо цепляясь за время, как за единственное доказательство того, что он всё ещё существует, что он не растворился окончательно в этом теле. Он отмечал каждое утро, каждый вечер, каждую смену света и темноты, удерживая время внутри себя, не позволяя ему исчезнуть.

Потом — недели, сезоны. Зима сменялась весной, весна — летом, лето — осенью, и всё повторялось снова, с той же неизбежностью, с тем же равнодушием мира, который не замечал его страданий.

А потом он перестал считать. Потому что это перестало что-либо значить. Время больше не вело вперёд. Оно не меняло ничего. Оно просто проходило через него, оставляя всё таким же. Он учился жить в этом теле не потому, что хотел

— потому что не было выбора.

Сначала он сопротивлялся. Каждое движение давалось с усилием, каждый инстинкт казался чужим, навязанным и неправильным. Он держался за себя — за мысли, за имя, за ту тонкую грань, которая отделяла его от зверя, и не позволял себе отпустить её, даже когда это было проще.

По началу он ненавидел ту тёмную горячую жажду, что поднималась в нем когда зверь рвался к крови, к крику, к разорванной плоти. Каждый раз сжимая зубы удерживал себя на грани будто стоял на краю пропасти в которую не хотел падать.

Но долго он бы так не выдержал. Со временем Бьёрн научился не бороться, а исчезать. Он просто гасил в себе человека: мысли, сомнения, отголоски боли, жалость, печаль, страдание и любовь. Оставил только зверя, холодного и бесчувственного, которому не нужно было оправданий.

Так было легче, потому что зверь не испытывает отвращения, не чувствует вины.

Он запрещал себе забывать. Даже когда становилось слишком тяжело. Потом он перестал бороться с телом, потому что понял: сопротивление ничего не меняет.

Он начал слушать лес, чувствовать его ритм, улавливать запахи, которые раньше были недоступны, двигаться так, как требовало это тело, не теряя при этом себя. Он стал частью этого мира — ровно настолько, насколько это было необходимо, чтобы выжить. Но никогда — не принадлежал ему.

Самым тяжёлым было не это. Не холод, который пронизывал до костей. Не голод, который возвращался снова и снова. Не кровь.

А тишина внутри. Та, в которой нет слов. Нет голоса. Нет возможности сказать хоть что-то — даже самому себе. Он думал. Всегда. Но эти мысли не звучали. Они существовали без формы, без языка, и от этого становились ещё тяжелее, давили, распирали изнутри, не находя выхода.

Годы не сделали его зверем. Они сделали его чем-то другим.

И всё это время он ждал, сам не зная чего или — кого.

И только теперь, когда память сложилась в цельную картину, это ощущение обрело форму.

Она.

Та самая девушка, появилась там, где не должно было быть никого. Слишком хрупкая для этого леса, слишком живая для той тишины, в которой он существовал все эти годы. Она не была частью этого мира, и всё же оказалась в самом центре. Тогда, когда он уже перестал ждать чего-то.

Он не ждал её, не искал. И уж точно не рассчитывал на спасение. Если бы она не пришла, все закончилось бы и без неё.

Капкан был не простым. Он чувствовал это с первого момента — в металле была магия, старая, тяжелая, не оставляющая шансов на спасение. Еще немного и она сделала бы своё дело. Сняла бы проклятие единственным доступным

способом.

Смертью. Быстро, чисто и правильно.

Он не искал смерти, но когда попал в капкан это показалось прекрасным избавлением, то готов был умереть, это его устраивало.

Он это знал. Он это принял.

Но она всё равно пришла и разрушила то, что должно было закончиться иначе.

И всё же где-то глубоко к внутри это не было неожиданностью. Это ощущение раздражало сильнее всего. Как будто он уже знал, что так будет...когда-то давно.

Сначала держался за эту надежду, а потом отпустил. Потому что годы шли, и ничего не происходило. Потому что ожидание могло его сломать. Потому что ждать бесконечно — означает ломаться медленно.

Он перестал ждать, перестал верить, что это вообще возможно.

Капкан должен был всё закончить.

Но она всё ровно пришла. Слишком вовремя, слишком точно.

Она была чем-то нереальным в этом царстве тьмы, молчания и крови, в котором он жил так много лет. Эта девушка была чуждой этому царству кошмара.

Он помнил момент, когда она подошла, помнил ужас застывший на ее лице, когда она увидела его. Бьёрн был уверен, что девушка убежит. Так было бы правильно. Подойти к

нему было чистой воды безрассудством. Но потом ужас сменился решимостью. Это завораживало.

Он помнил её как ощущение — резкое, светлое, выбивающееся из всего, что он видел прежде, и потому не дающее покоя. Она подошла слишком близко к раненному зверю — это безрассудство сродни идиотизму, с раздражением думал он.

Зачем она это сделала?

Он чувствовал её страх всем своим звериным чутьём, он жёг ему ноздри, густой и вязкий, почти осязаемый. И впере­мешку со страхом в её запахе была тёплая, лёгкая сладость мёда, смешанная с травами, и чем-то ещё, едва уловимым, живым, принадлежащим только ей.

Эти руки он запомнил особенно — тонкие, почти невесо­мые на вид, совсем не созданные для того, чтобы разжимать сталь, и всё же именно они легли напакпкан с неожиданной твёрдостью.

Серебряное лезвие мелькнуло в её пальцах — слишком хрупкое, чтобы противостоять магии, запечатанной в метал­ле, и всё же она использовала его не колеблясь.

Он помнил, как лезвие соскользнуло, как кожа на её ла­дони разошлась, как тёплая кровь выступила ярким пятном на фоне белого снега, и то, что она даже не заметила этого, не отдё­рнула руку, не сбилась, только сильнее сжала пальцы, продолжая делать то, что решила.

Он не позволил бы себе назвать это восхищением, не при-

знал бы этого вслух, но то, как она осталась, как не отступила там, где любой другой уже ушёл бы, как довела начатое до конца, не считаясь ни со страхом, ни с болью, — это вызывало в нем смесь уважения и какого-то внутреннего трепета.

Вспоминая тот момент, он поймал себя на почти нелепом желании — увести её, спрятать, убрать подальше от всего, что могло причинить ей вред.

Даже от себя самого.

Он резко тряхнул головой, отсекая эту мысль.

После долгих лет оцепенения подобные ощущения казались слишком живыми, слишком острыми — почти опасными в своей человеческой ясности.

Он снова стоял здесь, посреди Сумеречного Бора. Как хранитель. В своём человеческом теле. С памятью, от которой невозможно было избавиться.

Он не сразу заметил, в какой момент это началось.

Сначала — едва уловимо, как остаточное тепло, которое должно было исчезнуть вместе с тем, что было разрушено. Оно возникло глубоко внутри, там, где ещё недавно была только пустота, и на мгновение показалось случайным, не стоящим внимания.

Но оно не исчезло. Наоборот — стало яснее. Теплое, настойчивое ощущение разливалось в его груди. Бьёрн медленно выпрямился, будто это могло что-то изменить, но ощущение только усилилось, натянулось, обретая форму, направление и смысл.

Связь

Теперь он это точно понял. Это не было воспоминанием о прикосновении, не было отголоском того, что произошло в лесу. Это было что-то живое. И оно звало.

Не громко, но настойчиво, не оставляя выбора.

Он не делал осознанного решения двигаться. Просто в какой-то момент пространство между ним и этим ощущением перестало существовать, и он уже был в движении, почти не замечая ни снега под ногами, ни холода, ни расстояния, которое исчезало быстрее, чем он успевал осмыслить.

Когда он остановился, это произошло так же внезапно, как и началось.

Дом.

Он узнал его сразу. Не потому, что видел раньше — потому что связь вела его именно сюда, и теперь, когда он оказался на месте, она стала ровнее, спокойнее, как будто достигла того, к чему стремилась.

Бьёрн остался в тени, не делая ни шага ближе. Свет из окна падал мягко, рассеянно, создавая тонкую границу между тёплым, живым пространством внутри и холодом, в котором он стоял.

Он поднял взгляд. И на этот раз увидел её сразу.

Она была одна.

Движения её были спокойными, неторопливыми, словно всё, что произошло днём, уже отступило, растворилось, оставив после себя лишь усталость.

Она повернулась чуть в сторону, и свет лёг на её профиль, очерчивая линию щеки, шеи, плеча, делая её почти нереальной на фоне этого тёплого пространства. Она полулежала в ванной, блаженно откинув голову на край.

Он не должен был смотреть так долго. Но не мог отвести взгляд.

Он почувствовал вспышку в груди, как отклик, как узнавание, как тихое, но настойчивое движение навстречу.

Она не просто была.

Она была его.

Мысль возникла раньше, чем он успел её остановить, и от этого внутри что-то резко сжалось.

Нет.

Не так.

Не сейчас.

Он знал это.

И всё же...

Бьёрн медленно сжал пальцы, чувствуя, как нить внутри него становится чётче, осязаемее, словно только и ждала этого момента, чтобы проявиться полностью.

Он не собирался делать ничего. Только проверить, чтобы убедиться, окончательно понять.

Едва заметное усилие — почти мысль, почти импульс — и связь отозвалась сразу.

Слишком резко.

Золото вспыхнуло под её кожей. Он увидел это отчётливо

— как тончайшие линии света, сначала едва заметные, потом всё ярче, пробегают по её руке от запястья вверх, переплетаются, оживают, откликаясь на его прикосновение так, словно между ними не было ни стекла, ни расстояния.

Она резко замерла пристально глядя на свою руку.

Не понимая, что происходит, но уже чувствуя. Связь дрогнула, потянулась сильнее, и в этот момент стало ясно — это не просто отклик. Это что-то гораздо глубже чем он был готов принять.

Бьёрн резко отдёргнул это. Но полностью он не мог разорвать нить. Он оттолкнул её от себя, отступил, словно от огня, который оказался слишком близко.

— Чёрт... — слово сорвалось тихо, глухо, сквозь зубы.

Он смотрел на неё ещё мгновение, уже иначе, уже с холодным, ясным пониманием, которое вытесняло всё остальное.

Она была связана с ним.

Не поверхностно или случайно. По-настоящему. И это было проблемой.

Он сделал шаг назад, позволяя тени снова скрыть его, как будто это могло что-то изменить, стереть сам факт произошедшего, вернуть всё в прежние границы.

Но нить внутри не исчезла. Она лишь притихла выжидая. Бьёрн стиснул челюсть, отворачиваясь.

Нет.

Не сейчас.

И не с ней.

Огонь вспыхнул резко, без предупреждения, разрывая пространство вокруг него.

Языки пламени сомкнулись вихрем, обвивая его тело, и в следующий миг он исчез, не позволяя себе ни секунды сомнения.

Потому что если бы он остался ещё хоть немного — он бы не ушёл.

Глава 6

Возвращение хранителя

*И дрогнут древние печати —
Не спрашивай кто к ним воззвал.
Хранитель не пришел обратно —
Он никогда не пропал.*

Сначала это почувствовали не люди.

Камень.

Глубоко в толще стен, там, где были вырезаны древние знаки, где магия не гасла тысячелетиями, тонко дрогнули печати. Они не разрушились, лишь откликнулись, на чье-то незримое присутствие.

По залам это прошло почти незаметно — лёгким сдвигом воздуха, едва ощутимой вибрацией, от которой огонь в факелах дрогнул, вытянулся вверх и на мгновение стал ярче.

Это было необычно, в Синегорье не было случайных всплесков.

Замок Каргадор стоял, врезанный в скалу, как продолжение самой горы — тяжёлый, тёмный, собранный из холодного камня, который помнил больше, чем любой из живущих в нём. Узкие проходы, высокие своды, резные арки, в которых

скрывались старые символы, древние рунические знаки.

Кейр был первым, кто резко остановился. Он стал посреди коридора, словно наткнулся на невидимую стену.

Он медленно поднял голову. Свет выхватил его лицо — светлые волосы, жёсткую линию скул, ярко голубые глаза, в которых исчезла привычная насмешка.

— Нет, — неуверенно прошептал он, почти себе.

Эйра обернулась почти сразу. Тонкая, собранная — в движении она была быстрой и точной, как удар. Рыжие волосы были собраны в косу, но несколько прядей выбились и легли вдоль лица, смягчая резкость черт.

Её живые зелёные глаза стали внимательными и цепкими. Свет задел тонкую линию шрама от виска к скуле, на мгновение обозначив её.

Она не выглядела испуганной. Но перестала быть расслабленной.

— Это не сбой, — спокойно, сказала она. Голос звучал уверенно.

Элдран не двигался.

Он стоял у стены, в тени, — стройный, сдержанный, с проседью в волосах и аккуратной бородой, придающей его лицу ещё больше благородной строгости. Его взгляд оставался спокойным, но пальцы, лежащие на камне, едва заметно напряглись, чувствуя то, что происходило под поверхностью.

Он не проверял. Он уже знал.

— В зал для совещаний. — Быстро. — Гоолос звучал рез-

ко. Он развернулся и широкими спешными шагами двинулся вперед по коридору.

Эйра и Кейр стремглав поспешили следом.

За очередным поворотом каменного коридора перед ними вырос арочный проём, ведущий в зал.

Зал Круга встречал тишиной, в которой звук собственных шагов казался лишним.

Высокие своды уходили вверх, растворяясь в полумраке. Камень здесь был другим — старше, темнее, словно в нём жила сила, древняя, как сам мир.

Стены оставались почти пустыми — лишь редкие знаки, вырезанные в камне не руками, а силой. Линии их были неглубокими, стёртыми временем, но именно в них жила магия.

Свет шёл не только от факелов. Руны едва заметно светились изнутри — мягко, приглушённо, будто сама стена дышала этим светом. Он заполнял линии, скользил по ним, как живая нить.

И казалось — камень не просто держит стены. Он хранит. В центре зала стоял круглый каменный стол.

Цельный, вырубленный из одной глыбы, он не выглядел поставленным сюда — скорее обнажённым, как будто с него просто сняли лишний слой скалы.

Поверхность была гладкой, но неровной — прожилки, трещины, линии...

Слишком правильные, чтобы быть случайными.

Это были печати.

Они уходили вглубь камня, переплетались, образуя сложный узор без единой случайной линии.

И сейчас они... дышали.

Свет шёл изнутри. Тонкий, приглушённый, золотисто-янтарный, он пробивался сквозь линии, заполняя их мягким сиянием, будто под поверхностью текла живая магия. Иногда он становился ярче, иногда почти гас, как пульс — неравномерный, но устойчивый.

И от этого казалось, что стол живёт.

Вокруг него стояли тяжёлые кресла, вырезанные из того же камня, но с тёмным деревом в основании, чтобы смягчить холод. Они были простыми, без лишней резьбы но выглядели величественно.

Пол под ногами был тёмным, отполированным временем, и если присмотреться — в нём тоже можно было увидеть слабые линии, продолжение тех же печатей, что сходились к центру.

Всё в этом зале было направлено к столу. К его сердцу. К тому месту, где сейчас магия отзывалась сильнее всего.

И когда Эйра, Кейр и Элдран вошли внутрь, зал не изменился. Но ощущение в нём стало другим. Будто он ждал.

Роан вошёл без лишнего шума. Короткие тёмные волосы, лёгкая щетина, серые глаза — прямые, серьёзные и внимательные.

Он оглядел их всех быстро, оценивающе.

— Все почувствовали?— Голос ровный. Собранный. Кайр усмехнулся, но в этот раз без привычной лёгкости.

— Если кто-то не почувствовал — ему здесь не место. — Он провёл рукой по волосам, будто пытаясь стряхнуть с себя это ощущение, но не смог.

Они собрались быстро, не потому что испугались. Потому что слишком долго ждали.

Эйра обошла стол, скользя тонкими пальцами почти над самой поверхностью, но не касаясь, будто боялась нарушить что-то тонкое.

— Это он, — сказала она уже тише. И в этот раз — не как утверждение, а как осознание.

Кейр опёрся ладонями о камень, чуть сильнее, чем нужно. Костяшки побелели.

— Скажи, что это он. Он поднял взгляд, и в нём была надежда.

Роан стоял напротив. Руки за спиной, плечи ровные, лицо почти неподвижное, но в серых глазах мелькнуло то, что редко в нём появлялось — напряжение, близкое к ожиданию.

— Если это не он, — сказал он спокойно, — тогда объясни, что это. Его широкая ладонь указала на стол, к которому тянулись живые горящие нити.

Стало тихо.

Элдран поднял голову. Его взгляд скользнул по каждому, задержавшись на секунду.

— Печати не откликаются на пустоту, — твёрдо сказал он.

Он озвучил именно то, чего они все ждали — подтверждение.

Кейр выдохнул сквозь зубы, резко отвернувшись.

— Пять лет... — Слова вышли глухо, как будто застряли где-то глубже.

Эйра чуть сдвинулась, скрестив руки на груди, но это было не защитное движение — скорее попытка удержать себя на месте.

— Мы не смогли его освободить, — произнёс кто-то.

— У нас бы и не получилось, — спокойно ответил Элдран.

Это были не оправдания. А горькая и прямая правда.

Они еще раз все разом взглянули на печати. С ними что-то происходило.

Свечение стало намного чётче и сильнее.

Элдран чуть сжал губы — Неважно, кто, — сказал он.

— Важно, что Бёрн жив. Жив и свободен.

Кайр закрыл глаза на секунду и резко провёл рукой по лицу, скрывая то, что слишком быстро прорвалось наружу.

— Вот блин... — в его голосе было столько облегчения, как будто с его плеч спала тяжесть целого мира.

Эйра чуть выдохнула, почти незаметно, её губы растянулись в улыбке, которую она тут же спрятала.

Роан не улыбнулся. Но плечи его едва заметно расслабились. И это говорило больше любых слов.

Элдран просто смотрел. И впервые за всё время в его взгляде появилось почти незаметное тепло.

Воздух в зале едва заметно дрогнул. Как будто кто-то провёл по нему невидимой ладонью. Свет факелов качнулся, тени на стенах сдвинулись, и в следующую секунду возле каменного круглого стола вспыхнуло пламя. Оно закрутилось в плотный огненный вихрь.

Он не был похож на пожар, скорее на энергию, магию, собранную в одной точке.

Руны в камне откликнулись. Линии, вырезанные в полу и столе, загорелись ярче, будто по ним прошёл ток, и на мгновение весь зал стал единым узором, живым и напряжённым.

Никто не отступил, они жадно смотрели на огненный столб широко распахнутыми глазами, боясь пропустить его появление. Они ждали этого целых пять лет.

И наконец-то — он возвращался.

В центре пламени появился силуэт, тёмный, устойчивый и неподвижный внутри движущегося света. Огонь скользил по нему, цеплялся за плечи, за край плаща, но не касался настоящего, будто признавая границу.

Затем пламя сжалось, отступая, и в центре зала уже стоял Бьёрн.

На мгновение никто не двинулся. Слишком долго они ждали, чтобы поверить сразу. Слишком много раз каждый из них уже подходил к этой грани — и возвращался обратно, ни с чем.

Пять лет.

Пять лет без ответов. Пять лет тщетных попыток его вер-

нуть.

И теперь их брат, друг, ученик и правитель стоял перед ними живой.

Кейр сорвался первым. Без размышлений и пауз, в два быстрых шага он оказался рядом. Он схватил Бьёрна за плечи, всматриваясь в лицо, будто проверяя настоящий ли он.

— Я уже начал думать, что ты решил сдохнуть где-нибудь без меня. — и в следующее мгновение резко притянул его к себе сжимая в крепких объятьях без всякой сдержанности.

Бьёрн ответил так же — Сильно. Уверено. Будто проверяя что это не иллюзия не сон и не насмешка судьбы.

На секунду стало тихо. А потом они оба глухо и хрипло засмеялись. Это был смех не от веселья, это был смех, что ломал напряжение, он был сродни вздоху облегчения.

Эйра стояла в стороне - ровно и спокойно, с тем выражением лица по которому невозможно было понять, что у неё внутри. Руки скрещены на груди, взгляд внимательный и цепкий.

Затем она двинулась резко, и в этом не было привычной выверенности — только чистое, не сдержанное движение. Её руки легли на плечи Бьёрну, и она прижалась к нему так, будто хотела убедиться, что он не исчезнет снова. Пальцы на мгновение сжались на его плаще. Она не всхлипнула, но в глазах, прижатых к его плечу блеснула влага.

На мгновение он замер, а потом ответил, обняв её также крепко. Он не сказал ни слова, только на секунду закрыл гла-

за.

— Мы уже между прочим начали думать, что ты всё-таки сдох. — смахивая слезу с рыжих ресниц сказала она. — Долго же ты.

Когда она отстранилась, то снова была собрана — и ничего в её лице не выдавало, что ещё мгновение назад в её глазах стояли слёзы.

Роан всё это время не вмешивался. Он стоял чуть в стороне, как и подобает тому, кто привык держать строй даже тогда, когда всё внутри рвётся вперёд. Скрестив руки за спиной, он смотрел на Бёрна тяжёлым и прямым взглядом — как будто оценивая его состояние: цел ли он, сломлен ли и не изменился ли он слишком сильно.

— Выглядишь паршиво. Еще хуже чем обычно — с легкой улыбкой сказал он, протягивая ему руку. Коротко, по военному. Но когда их ладони встретились, хватка была жёстче, чем требовалось. Дольше чем нужно.

Элдран не спешил, наблюдая. Сдержанный как и всегда.

Он стоял у стола, чуть в стороне. В его взгляде не было ни удивления, ни сомнений — только спокойная, глубокая уверенность, будто он знал, что этот момент все равно наступит.

Он остановился рядом, внимательно глядя. Как человек, который видит больше чем остальные.

— Ты вернулся. — после этого почти незаметно склонил голову в жесте подчинения и признания.

— С возвращением, Бёрн.

Его рука поднялась медленно, касаясь плеча — легко, почти невесомо.

Но это прикосновение было тяжелее любых слов.

— Я знал, — сказал он тихо. — Ты не сломался, — это было утверждение, не вопрос.

Бьёрн посмотрел на него дольше, чем на остальных, и в этом взгляде мелькнуло что-то тёплое, почти забытое. — Не в этот раз.

Они окружили его. Без построения, без порядка. Просто были рядом.

В глазах каждого из них отражались пять лет поисков, попыток, ошибок и гнетущей тишины — и вместе с этим радость, восторг и почти невыносимое облегчение от его возвращения.

Но это осталось позади, самое главное, что он стоял здесь, с ними. Живой.

И впервые за всё это время в зале стало по-настоящему тепло. Не от огня, не от факелов — от них. От того, что они снова стояли рядом, живые, целые, вместе — как и прежде.

Бьёрн медленно обвёл их взглядом. Улыбка появилась не сразу — сдержанная, усталая, но настоящая. В его лице всё ещё читалась тяжесть прожитых лет.

Он выдохнул чуть глубже и, не убирая лёгкой улыбки, кивнул в сторону стола.

— Садитесь. Коротко. Спокойно. — Введите меня в курс.

Кейр сразу покачал головой: — Ты выглядишь так, будто

сейчас просто рухнешь. И уже тише: — Тебе нужно отдохнуть.

Бьёрн коротко усмехнулся, но не отвёл взгляда.

— Позже. Я отдохну позже. Как только пойму, что происходит — Он чуть подался вперёд, и в его голосе снова появилась привычная твёрдость, после которой никто не спорит. Теперь он был не другом. Не учеником. Он был их правителем.

— Любое промедление сейчас может стоить слишком дорого. Тишина выровнялась.

Элдран выдохнул, сдаваясь, и только усмехнулся:

— Упрямый как был, так и остался. Они заняли свои места за столом. Круг замкнулся. И стало окончательно ясно — он вернулся.

Несколько мгновений они молчали.

Бьёрн не сел сразу. Он стоял у стола, опираясь ладонями о камень, и на секунду закрыл глаза, словно прислушиваясь не к ним — к чему-то другому. Узоры под его пальцами отозвались, мягкой пульсацией света.

Первым заговорил Элдран. Он сидел прямо, сложив руки на столе.

— Магия в Синегории стабильна, — спокойно начал он. — Потоки не нарушены. Защита держится, но давление извне усилилось. Маги короля действуют осторожнее... и точнее. Он чуть склонил голову.— Мы потеряли несколько внешних точек наблюдения.

Бьёрн кивнул.

— Эйра.

Она не изменила позы.

— Король ищет лазейки, — коротко сказала она. — Не лезет напрямую. Проверяет границы, прощупывает защиту.

Она на мгновение перевела взгляд на Бьёрна, — У него есть шпионы. Некоторые — внутри.— Мы выявляем их быстрее, чем он успевает закрепиться.

Кейр усмехнулся, но в глазах не было веселья.

— Мы вытаскивали людей, эвакуировали — сказал он. — Тех, у кого проявлялась магия. — До того, как до них добирались люди короля. Он пожал плечами.— Не всех успели. Но большинство — да. Сейчас Синегорье — единственное место, где им безопасно.

Бьёрн перевёл взгляд.

— Роан.

Роан говорил прямо, без лишних слов:— Мы на пороге войны. Раньше это была тень. Сейчас — подготовка. Он чуть подался вперёд.— У короля обученная армия. И маги в её рядах.— Это делает их опаснее. Тишина легла на стол. Бьёрн не спешил говорить. Он посмотрел на каждого по очереди. Задержался. Отметил. Понял. И только потом сказал:

— Пять лет, — тихо сказал он. Это был не упрёк, а просто факт.

Он перевёл взгляд с одного на другого. — Вы справились. И в этих словах было признание.

— Теперь наступила моя очередь давать отчёт вам.

Бьёрн замер на секунду опёршись руками о стол. Затем он открыл глаза и заговорил:

— Разлом нестабилен.— Слова прозвучали слишком спокойно для их смысла.

Тишина в зале стала плотнее.

Разлом находился в сердце Сумеречного Бора. Это была не просто трещина в пространстве. Это был древний проход в другие миры. Стабильный лишь до тех пор пока его удерживают.

— Давление выросло.

Он не отводил взгляда.

— Как будто с той стороны что-то ищет выход.

Кейр перестал усмехаться. Эйра чуть подалась вперёд:

— Насколько? —

Бьёрн коротко выдохнул.

— Сильнее, чем раньше. Стабилизировать магию в нём стало сложнее. Он провёл пальцами по камню, словно повторяя движение, которое делал там, в Бору.

— Раньше это было больше похоже на фоновый шум, ненавязчивые колебания магической силы. Теперь же, это давление, которое приходится удерживать.

Элдран нахмурился.

Он был не только главным магом Синегорья, но и тем, кто обучал весь близкий круг. За этим столом сидели все кто с его помощью открыли и усилили свои магические способно-

сти.

Элдран был самым большим знатоком магии во всём королевстве.

— Ты держал его всё это время?

— Держал, — спокойно ответил Бьёрн.

— Как ты справился в зверином обличии? Что такое длительное перевоплощение сделало с твоей магией, с твоим разумом? — Элдран выглядел не на шутку обеспокоенным. Между его седеющих бровей пролегла глубокая морщина.

В зале воцарилась тишина.

Прозвучал один из вопросов, который они не хотели задавать, и ответ на который они хотели и боялись услышать одновременно.

Бьёрн ответил не сразу.

— Проклятие не ослабило мою магию, — спокойно начал он. — Это было похоже на то, что я и раньше испытывал, надолго оставаясь в зверином обличии. Он на мгновение замолчал. — Эмоции уходят. Остаются инстинкты.

Пальцы чуть сжались.

— Но за такое долгое время... я перестал чувствовать их вовсе. — Он поднял взгляд.

— Я принял зверя внутри себя. И отказался от всего, что делало меня человеком

Тишина в зале стала тяжелее.

— Я держал портал, у меня была цель — никого к нему не подпускать. Это изменение пришлось весьма к стати, когда

я без раздумий и жалости разрывал на куски тех, кто пытался пробраться. Уверен, что это были люди короля. Я привык ничего не чувствовать видя смерть. — он перевел взгляд на Элдрана — И скорее всего это уже не изменится жёстко сказал он.

Все сидящие за столом обеспокоено переглянулись. Но последняя фраза Бьёрна была сказана тоном, который давал понять, что разговор на эту тему окончен.

— Знаешь, в чём самое смешное? — Кейр усмехнулся, но без веселья. — Он ведь думал, что избавился от тебя. Бьёрн чуть приподнял бровь. Кейр откинулся на спинку кресла, качнув головой:

— Превратить тебя в зверя. Запереть в Бору. Лишить разума... И всё — хранителя нет, путь к разлому открыт... Красивый план.

— Почти, — коротко усмехнулась Эйра.

Бьёрн медленно провёл пальцами по камню стола.

— Он не понял главного. Связь не в разуме, — тихо сказал Элдран.

— И не в теле, — спокойно добавил Бьёрн.

— А в крови. — Он поднял взгляд. — Я остался хранителем. Даже застряв в своём медвежьем лике.

Кейр хмыкнул: — Идеально. Хотел убрать защиту — получил сторожа, который заперт на месте разлома.

— И не уходит, — добавила Эйра.

— И не даёт подойти, — коротко сказал Роан.

Элдран заговорил:

— Генри дурак, разум которого затмили жестокость и жажда абсолютной власти. Он не понимает, что собой представляет этот портал. Тысячи лет назад им пользовались. — Пока не поняли, что оттуда приходит, с тех пор его не открывают. Только держат.

Роан спокойно продолжил: — Потому что если он выйдет из-под контроля... Пауза. — Это уже не будет проблемой только Синегорья.

— Раньше я мог его только удерживать. Но теперь, когда я свободен. Взгляд стал жёстче. — Я как хрантель могу попытаться его закрыть.

Элдран тихо сказал: — Если это вообще возможно.

Бьёрн не отвёл взгляда. — Уверен, что это возможно. И король знает, что сделать это могу только я. Иначе он не бы бы так настойчив в попытках меня прикончить.

Словив на себе недоумённые взгляды, Бьёрн продолжал:

— Король Генри уже давно понял, что ошибся выбирая путь для того, чтобы меня убрать. Когда его лазутчики не справлялись раз за разом пропадая в Сумеречном Бору он стал действовать более решительно, теперь ясно, что меня пытались убить. Капканы. — мрачно сказал Бьёрн. — в один из них я попал.

Элдран выпрямился слегка подавшись вперёд

— Атралит? — Слово прозвучало тяжело, словно само по себе несло тяжесть веков.

—Он самый — мрачно подтвердил Бьёрн.

Роан резко выпрямился — Ты уверен?

— Может кто-то объяснит на конец-то что это за хрень такая? — раздраженно воскликнула Эйра.

Элдран закрыл глаза на короткое мгновение, и в этом жесте было больше тревоги, чем он позволял себе обычно показывать.

Он встал на ноги и медленно обошёл стол, словно давая себе время говорить спокойно.

— Астралит — это НЕ магический металл, — сказал он.

— В этом и его главная опасность.

Эйра вскинула взгляд.— Чем он особенный? В чём его свойство?

— Он лишает магических сил, тянет магию. потому что он её... не признаёт.

Элдран сложил руки за спиной.

— Вся магия этого мира подчиняется законам. Она течёт, откликается, связывается с носителем. Астралит — единственное вещество, которое не вступает в эту связь. Он не проводит магию. Не усиливает её. Он её... обрывает.

Он посмотрел прямо на Бьёрна.

— Всё, к чему он прикасается, постепенно теряет доступ к собственной силе. Как если бы нити, связывающие мага с магией, одна за другой перерезали.

Кейр тихо выдохнул:— То есть он тебя просто... глушил?

— Не сразу, — ответил Бьёрн. — Но если бы я там остал-

ся... то сначала бы лишился своей магической силы, а после бы умер.

Элдран кивнул.— Именно. Астралит не убивает быстро. Он лишает. Сначала силы. Потом — воли. А затем уже не остаётся ничего, что можно было бы защищать.

Роан сжал челюсть.— Откуда у короля такое?

Элдран помедлил.

— Эта сталь запрещена уже столетиями. Её почти не осталось. Её не куют — потому что это невозможно без знания, которое утрачено. Или... — он чуть прищурился, — которое кто-то решил вспомнить.

Эйра тихо усмехнулась, но в её голосе не было веселья:— Значит, он не просто собирает армию. Он рвется в том, что лучше было бы оставить забытым.

— Да, — спокойно ответил Элдран.

Он снова перевёл взгляд на Бьёрна.

— И тот, кто поставил этот капкан, знал, кого ловит. Астралит бесполезен против слабых магов. Но против тебя... — он чуть наклонил голову, — это был расчёт.

Бьёрн слабо усмехнулся.— Почти сработал.

— Ладно, — Кейр подался вперёд. — А теперь давай по порядку.

— Как ты выбрался? — спокойно, но жёстко добавил Роан.

— Кто это сделал? — тихо спросил Элдран.— И главное, какой ценой?

Бьёрн не ответил сразу. Он чуть опустил взгляд, словно выбирая, сколько сказать.

— Девушка, — коротко.

Кейр моргнул. — Девушка?

Эйра в сомнении прищурилась. — Она открыла капкан?

Элдран подался вперёд. — Каким образом она открыла капкан, да еще и сняла проклятие?

Бьёрн поднял взгляд. Спокойный. Сдержанный.

— У неё был серебряный нож, им она раздвинула края капкана, случайно пролив кровь.

— Это всё? И этого хватило? Кровь и серебро? Должно было быть что-то еще.— уверенно сказал Элдран.

— Было . — тихо добавил Бьёрн.

— И что же?

Бьёрн на мгновение замолчал, словно выбирая, стоит ли говорить.

— Я не почувствовал в ней посторонних запахов. Думаю она девственна. Вот почему магия сработала.

На секунду никто не сказал ни слова. Кейр тихо присвистнул:

— Вот это да... То есть ты хочешь сказать, что какая-то девушка гуляла себе по лесу, увидела огромного бурого медведя, застрявшего в капкане, и решила просто его освободить?

— Похоже на то. — усмехнулся Бьёрн. — Улыбка так давно не трогала его губы, что выходила почти болезненной —

но на легкость и привычный юмор его названного брата он все равно не мог остаться равнодушным.

— И при этом, она по счастливому стечению обстоятельств оказалась невинна. Да таких совпадений не бывает! — твердо сказала Эйра.

Кейр продолжил: — Но если это так, то у нас всего два варианта: либо она безумная, либо пиздец какая смелая. В любом случае эта девушка наверняка необычная.

— Что у нее с магией? Есть ли какие-то способности?— серьезно спросил Роан, отмахнувшись от реплики Кейра.

— Да, магия, думаю у неё есть. Я это почувствовал. Без неё она не смогла бы меня освободить.— на что Элдран уверенно кивнул.

Эйра чуть склонила голову: — Как думаешь, она знала, что делает?

— Нет, — спокойно ответил Бьёрн.

Элдран нахмурился: — Тогда это...

— Случайность, — сказал Бьёрн.

Роан удивлённо поднял брови.

— Это не может быть случайностью. Ведь мы знали, что кто-то должен тебя освободить. Мы надеялись на это. Мы все слышали слова этого проклятия...

В зале на несколько секунд повисла гнетущая тишина, которую нарушила Эйра.

— Мы все пять лет пытались найти эту грёбаную суку. Но она на крепко снюхалась с королём и теперь находится под

его защитой. Думаю это было одним из условий их сотрудничества. Она понимала, что если власть короля её не защитит, то я её выслежу и разорву на куски.

Имя Эллиры не говорили в слух но упоминание о ней смеяло атмосферу в зале. глаза каждого члена круга горели огнём горькой ненависти.

— Встань в очередь, рыжая! Каждый из нас тут многое бы отдал, за то, чтобы с ней по квитаться. — Кейр сжал в кулаки лежащие на каменном столе руки. — как по мне, разорвать на куски — это слишком просто. Я бы придумал для неё долгую и мучительную смерть.

— Она была частью круга, такое предательство не прощают. Мы будем судить её по военным законам. Рано или поздно мы до неё доберёмся. — уверенно сказал Роан.

Лицо Элдрана напряглось, губы сжались в жесткую линию.

— Я жалею, о том, что обучал её. Какая ирония, — лучшая из моих учениц... — и именно её голосом прозвучало это страшное заклинание. Я дал ей доступ к тем знаниям, которые должны были оставаться закрытыми. Не разглядел червоточины в её душе.

— Довольно. — резко сказал Бьёрн. — Это уже ничего не изменит. — Он на мгновение отвёл взгляд. И этого короткого движения оказалось достаточно, чтобы стало ясно — дело не только в предательстве.

— Оставьте это, — добавил он спокойнее. — Разберёмся

с ней позже.

Никто не сомневался в том, что Бьёрн хочет мести. Но в этой истории было что-то о чём он не собирался говорить.

— Да Бог с ней, с этой дрянью... Но проклятие, — не уни-
мался Роан. — Если верить ему, то девушка может быть опас-
на. Мы должны избавиться от неё пока не стало поздно. —
Жестко добавил он.

— Мы не убиваем невинных. — твёрдо сказал Бьёрн. —
Из того, что я видел могу заключить, что она не опасна.

— Возможно для кого-то и не опасна... но для тебя... —
Начала Эйра.

— Бьёрн прав. Мы должны убедиться в том, что она угро-
за, прежде чем её уничтожить. Каждая жизнь имеет огром-
ный вес. Хочу вам напомнить, — магические законы непре-
клонны: — кто бы не забрал невинную жизнь, это навсегда
исказит его магию.

Повисла тишина.

Бьёрн поднял взгляд, жесткий и собранный. — Любая за-
минка — это время. — А время сейчас может дорого стоить.
С девушкой разберёмся потом. Сейчас она не первоочеред-
ная задача.

Он стоял, опершись ладонями о край стола, и смотрел ку-
да-то между ними — сквозь, будто их и не было.

Он опять это чувствовал.

Снова эта ебучая связь от которой никуда не спрячешься.
Она злила его и раздражала, он не знал куда от этого деться.

Это было... неправильно, это отвлекало, это сильно контрастировало с привычной пустотой и тишиной, которая за эти годы образовалась внутри. Он должен был ощущать угрозу. Сомнение. Холод. Но вместо этого — тепло.

Он закрыл глаза, пытаясь всей своей волей отгородиться от чужого присутствия в своем мозгу. Но даже после всех его усилий это тихое, мягкое, как свет сквозь тонкую ткань, её присутствие не обжигало, не требовало, не рвало. Оно просто было.

И чем сильнее он пытался от него отстраниться, тем яснее понимал: это не его. И в то же время — его тоже. Он стиснул зубы. Где заканчивается она — и начинается он? Почему он знает, что она сейчас... не боится? Почему в этом спокойствии нет ни тени лжи?

Бьёрн не заметил, что уже с минуту стоит с закрытыми глазами.

— Ты изматываешь себя, — кто-то сказал уже мягче.

— Ты едва держишься на ногах. Иди отдыхать.

Он даже не сразу понял смысл слов. Когда он спал в последний раз? Память не откликнулась. Бьёрн выпрямился медленно, будто тело неохотно подчинялось.

— Продолжим завтра. — Бьёрн в последний раз обвёл всех присутствующих открытым взглядом и слегка кивнул.

В следующую секунду он развернулся, молча направляясь к выходу.

Связь с ней всё ещё тлела внутри — тихим, упрямым све-

том, который он не мог ни заглушить, ни принять.

Однажды ему придётся её оборвать... в этом он был уверен.

Но останется ли после этого в нём хоть что-то, что можно будет спасти?

Глава 7

Перед бурей

*И дрогнет нить, что не была узлом,
И страх чуждой вольется в твою кровь.
Ты не свернешь, когда уже нашел
Своей слепой судьбы могучий зов.*

Бьёрн кивнул — коротко, сухо, как и подобало правителю, — и, не задерживаясь ни на секунду, покинул зал совещаний.

Тяжёлые двери закрылись за его спиной, отсекая гул голосов, и коридор замка встретил его тишиной. Лишь глухое эхо шагов нарушало её. Каменные стены тянулись вверх, теряясь в полумраке. Факелы давали мягкий, тёплый свет, и всё здесь казалось неизменным — словно этих пяти лет вообще не было.

Только он изменился. Он чувствовал это.

Каждый шаг отдавался тяжестью в теле. Усталость накрывала волнами — вязкими, густыми, такими, от которых хотелось просто остановиться... и больше никуда не идти.

Он уже почти свернул в боковой коридор, когда за спиной раздались быстрые шаги.

— Ты правда решил, что так просто от нас избавишься?

Голос Эйры прозвучал легко, почти насмешливо.

Бьёрн даже не обернулся.

— Попробовать стоило.

Она поравнялась с ним, двигаясь бесшумно, как тень. Её огненно-рыжие волосы выделялись ярким пятном, а зелёные глаза горели, как ещё один факел. Лёгкое изумрудное платье было расшито переплетающимися золотыми нитями, которые разветвлялись по ткани, словно виноградная лоза. Ткань мягко обвивала её стан, подчёркивая тонкую талию и изящные руки.

— Пять лет пропадать неизвестно где, — продолжила она, — а потом сделать вид, что мы — часть мебели?

— Очень обидно, между прочим, — раздался второй голос.

Кейр появился с другой стороны, чуть впереди, легко подстраиваясь под шаг Бьёрна. Свет факелов скользнул по его светлым волосам и зацепился за улыбку — наглую, живую, совершенно неуместную в этих холодных коридорах.

— Я рассчитывал хотя бы на драматичное возвращение. Объятия. Слезы. Может, пощёчину.

— Ты бы заплакал? — сухо уточнил Бьёрн.

— Конечно, — без паузы ответил Кейр. — Но исключительно из-за того, что ты выглядишь так, будто сейчас упадёшь и испортишь весь момент.

Эйра тихо хмыкнула.

— Он прав, — сказала она уже внимательнее глядя на

Бьёрна. — Ты еле держишься.

Бьёрн позволил себе едва заметную улыбку — усталую, короткую.

— Тогда вам стоит отойти подальше, чтобы не попасть под обломки.

— Нет уж, — Кейр вскинул бровь. — Мы тебя проводим. Потому что если ты потеряешь сознание где-нибудь по дороге, я не хочу, чтобы тебя нашли лежащим лицом в ковре.

Они шли рядом втроём — слишком близко, слишком уверенно, как будто этих пяти лет действительно не было. И это ощущение неожиданно поддерживало его.

— Я хочу понять, какие настроения в Серолесье, — начала Эйра. — Нам нужно узнать больше о твоей... спасительнице. Понять, связана ли она с людьми короля.

Она на мгновение замолчала, а затем продолжила уже быстрее:

— Может, это ещё один ход, который мы не разгадали. Эта деревня граничит с Сумеречным Бором. Там может быть полно шпионов.

Бьёрн бросил на неё короткий взгляд.

— Ты предполагаешь, что врагов там достаточно... и предлагаешь послать ещё одну шпионку?

— Да, — сразу ответила Эйра. — Я хочу отправиться туда и всё выяснить самой. Нам нужно понять, что делать с этой девушкой. Кто она такая на самом деле.

Она чуть прищурилась, и в её голосе прозвучала привыч-

ная уверенность:

— Маленькая юркая лисица у края леса никого не насто-
рожит. Я сработаю быстро и чисто. Как всегда.

— Что с силами? — спросил Бьёрн, сосредоточенно щу-
рясь. — Магии хватит на длительное перевоплощение?

Эйра глухо зарычала:

— Даже не сомневайся.

Он задержал на ней взгляд, разглядывая её с тем самым
выражением, от которого у неё обычно возникало желание
сказать что-нибудь в ответ.

— Ты же не отстанешь, да?

Эйра даже не попыталась сделать вид.

— Нет.

Он тихо усмехнулся, качнув головой.

— Заноза... Самая упрямая, какую я знаю.

— Ты просто плохо знаешь людей, — невинно отозвалась
она.

— К счастью.

Он провёл ладонью по лицу, будто прикидывая, сколько у
него ещё есть шансов передумать.

— Ладно, — наконец, сказал он. — Узнай всё, что смо-
жешь об этой девушке. И возвращайся как можно быстрее.

Сказано это было так, как говорят, когда уже всё решено
— и не им.

Он взглянул на неё снова, уже серьёзнее, но без прежней
жёсткости.

— Но ты туда не полезешь с пустыми руками.

Короткий жест в сторону.

— Кейр, снабди её всем необходимым.

Тот коротко кивнул.

— Экипируем эту неугомонную по высшему разряду. Отдам ей половину своей лаборатории.

— Сколько времени у меня есть? — напряженно спросила Эйра.

— Неделя на подготовку, — без паузы ответил Бьёрн. — И не пытайся уйти раньше, я тебя знаю.

— Я оскорблена, — сухо сказала она.

Он хмыкнул.

— Я тоже буду, если ты сдохнешь на второй день.

Эйра выдохнула.

— Неделя, значит.

— Неделя, — подтвердил он. — А потом, действуй на своё усмотрение.

Кейр усмехнулся и повернулся к Бьёрну:

— Как ты понимаешь, рыжая мысленно уже там. От себя добавлю пару сильнодействующих зелий... и шар перемещения.

Эйра слегка поморщилась:

— Да, я воспользуюсь шаром. Так быстрее.

На какое-то время повисла тишина.

Бьёрн глубоко вздохнул.

— Давай, — усмехнулся он. — Только не делай вид, что

тебе так уж нужен был мой приказ. Всё такая же неугомонная... и нетерпеливая. Ничего здесь не меняется.

На губах Бьёрна мелькнула тёплая улыбка, затем он перевёл взгляд на обоих.

— Вы знаете, что делать. Ступайте.

Двое друзей кивнули с серьёзными лицами. Развернувшись, они уверенно зашагали, растворяясь в темноте коридора.

Бьёрн был уже возле сводчатой двери своих покоев, когда из-за поворота ему навстречу вышла женщина с глиняным кувшином в руках.

Она остановилась, как вкопанная.

Кувшин с тихим стуком выскользнул из её пальцев и разбился о каменный пол.

— ...милорд?..

Голос её дрогнул.

Женщина была невысокой, полной, с мягкими чертами лица и аккуратно убранными в пучок волосами, в которых уже пробивалась седина. В её глазах — живых, тёплых — за одну секунду отразилось всё: недоверие, узнавание... и слёзы.

— Это... правда вы?..

Она шагнула к нему, почти не осознавая, что делает, и в следующую секунду крепко обняла его.

— Мальчик мой... — прошептала она, уткнувшись ему в плечо. — Ты вернулся...

Бьёрн на мгновение замер — будто не сразу понял, что его обнимают.

А потом медленно поднял руку и обнял её в ответ.

— Почему мне никто не сказал?... — женщина отстранилась, смахивая слёзы, но тут же снова всматриваясь в его лицо, словно боялась, что он исчезнет. — Ты в порядке? Ты правда... ты...

— Я здесь, — спокойно сказал Бьёрн. — Всё хорошо.

Она кивнула — часто, поспешно, словно убеждала в этом не его, а себя.

— Я... я всё это время... — голос её дрожал, но в нём уже проступала привычная деловитость. — Милорд, ваши покои... я следила за ними. Всё готово. Всегда было готово.

Она выпрямилась — чуть гордо, как человек, исполнивший свой долг.

— Я сейчас же прикажу набрать ванну.

— Как всегда. Спасибо тебе, Марта, — тихо сказал Бьёрн.

Она улыбнулась сквозь слёзы — той самой улыбкой, в которой было больше дома, чем в этих стенах.

— Как всегда, милорд.

Она отступила в сторону, открывая тяжёлую дверь. Покои встретили его мягким светом. Внутри было тепло. Не просто тепло — живое, ровное, будто сама магия удерживала здесь нужную температуру, не позволяя холоду камня пробраться внутрь.

— Всё поддерживалось в порядке, — быстро сказала Мар-

та, словно оправдываясь. — Я... следила. Каждый день.

Он не ответил, но её взгляд он почувствовал. С благодарностью. С облегчением. С чем-то ещё — слишком личным, чтобы назвать.

Мимо них в комнату вошли две служанки. Одна поправляла подушки на широкой кровати, вторая торопливо расправляла складки плотных занавесок.

Покои Бьёрна встречали тишиной — не пустой, а глубокой, словно стены умели хранить всё, что в них когда-либо происходило.

Пахло тут так же, как он помнил: книжными страницами и хвоей.

Тёмные стены из дикого камня поднимались высоко, теряясь в полумраке под сводчатым потолком, и от этого комната казалась больше, чем была на самом деле.

У правой стены от входа стояла широкая кровать с тёмно-зелёным бархатным пологом. Ткань обрамляла её, как лес обрамляет укрытие — плотная, тёплая, защищающая от всего внешнего мира.

Тяжёлые портьеры того же цвета спадали с высоких панорамных окон мягкими складками, почти касаясь пола.

Свет здесь был приглушённый. Неяркий, мягкий — как будто даже факелы горели тише, чем в других частях замка.

Окна занимали почти всю стену. Высокие, вытянутые вверх, с заострёнными арками, они уходили под самый свод. Стекло было чистым, почти прозрачным, и за ним откры-

вался вид на Синегорье — зелёное, широкое, бесконечное. Внизу, далеко под скалами, блестела река, тонкой серебряной нитью прорезая долину.

У дальней стены тёмный камень переходил в арочный проём. Без двери. Он вёл в купель. Камень там был светлее — сглаженный водой и временем. Глубокая чаша, вырезанная прямо в скале, наполнялась непрерывно: тонкая струя текла из самой стены, бесшумно, как если бы она просто появлялась из воздуха. Вода была тёплой, почти горячей, и от неё поднимался лёгкий пар, растворяясь в полумраке. Ни кувшинов, ни слуг. Здесь всё делала магия. Стоило только пожелать.

С другой стороны покоев находился кабинет. Он не был отделён полностью — лишь широким проёмом, за которым пространство становилось строже. Массивный стол из тёмного дерева стоял у окна, заваленный свитками и книгами. Карты, пергаменты, записи — всё было в порядке, но без показной аккуратности. Все осталось таким, каким он оставил пять лет назад — словно кто-то бережно сохранил каждую деталь, к которой касались его руки, не решаясь сдвинуть хоть на миллиметр.

Стены кабинета почти полностью занимали полки. Книги. Много. Старые, в кожаных переплётках, потемневших от времени. Некоторые — с металлическими застёжками, другие — с выцветшими символами на корешках. Здесь были знания, которые не держали в открытых библиотеках.

И тишина. Та самая, в которой можно было услышать собственные мысли.

Покои не казались роскошными. Они были... надёжными. Как всё в Каргадоре. Как сам Бьёрн.

— Ванна готова, милорд, — сказала Марта. — Вода тёплая.

Он кивнул.

— Спасибо.

Она поклонилась — глубже, чем требовалось, — и, жестом отпустив слуг, сама поспешно вышла, тихо закрыв за собой дверь.

Он стоял посреди своих покоев, не сразу понимая, что чувствует.

Последние годы лес был его домом. Тихим, суровым, честным. А это место — замок, эти стены, эти комнаты, люди, которых он здесь оставил — теперь казались чем-то далёким, почти нереальным. Словно воспоминанием, которое слишком долго пролежало без движения и успело потускнеть.

Сном.

Теперь он снова здесь.

Усталость накатила новой волной — тяжёлой, вязкой, будто сама дорога до этого места вдруг обрушилась на него разом.

Бьёрн закрыл глаза и медленно провёл пальцами по вискам.

Похоже... ему нужно будет привыкать ко всему этому заново.

Тишина вернулась.

Настоящая.

Бьёрн медленно прошёл в купель. Она стояла у дальней стены — широкая, глубокая, вырезанная прямо в камне. В ней легко могли бы поместиться двое. Вода наполнила её почти полностью.

Он остановился у края, глядя на гладкую поверхность воды. И мгновение просто стоял.

Потом начал раздеваться — медленно, без лишних движений, будто каждое из них отзывалось усталостью в теле.

Начал он с плаща, скинув который Бьёрн понял, насколько тот был тяжёлым. Следом за ним рубаха упала на пол. Дальше ремень, штаны.

Холод воздуха коснулся кожи — и сразу же отступил перед теплом и паром, разлитым в комнате.

Руны вспыхнули в полумраке тёмным узором. Правая рука — от груди, через плечо, по бицепсу и вниз, до самой кисти — была покрыта ими полностью. Чёрные, вплетённые в кожу, как будто выжженные, они тянулись непрерывным замысловатым узором.

Он провёл рукой по предплечью — по шероховатым линиям, в которых иногда, при магии, зажигался золотой свет. Сейчас они были тёмными.

Под рёбрами, с левой стороны, тянулся другой след. Гру-

бый, рваный узор — будто след когтей медведя, застывший в коже. Он не был раной, но и не был просто татуировкой.

Бьёрн обвёл взглядом своё отражение в зеркале, которое занимало половину противоположной стены.

Широкие плечи заполняли отражение, линия спины уходила вниз мощной, плотной дугой. Грудь поднималась и опускалась медленно, глубоко, и с каждым вдохом под кожей перекатывались тяжёлые, живые мышцы.

Он был крупным. Не просто сильным — тяжёлым, собранным из воли и выносливости. В его теле не было лишнего — только плотная, рабочая масса, которая не знала покоя.

Руки — длинные, мощные, с выраженными венами и сухожилиями, напряжение в них ощущалось даже в покое. Предплечья, запястья — крепкие, как будто были созданы для удержания, для удара, для борьбы.

Он слегка повернулся. Мышцы спины слаженно сместились под кожей.

Это было тело, которое привыкло не жить — а выживать.

Он сжал пальцы.

Мышцы откликнулись мгновенно.

И шагнул в воду.

Тепло обняло тело сразу — плотное, глубокое, проникающее внутрь, туда, где жила усталость.

Он опустил в купель полностью, закрыв глаза.

Вода смывала напряжение, слой за слоем. Но не всё.

Он медленно провёл рукой по плечу, ощущая силу — на-

стоящую, человеческую.

Как же он соскучился по этому.

По себе.

По телу, которое подчиняется, а не рвётся изнутри.

По ощущению, что он — это он, а не нечто большее... и нечто опасное.

Тепло разлилось в груди — тихое, почти забытое.

Он был дома. В своём облике.

И этого, казалось, должно было быть достаточно.

Но счастья он не испытал. Только лёгкий укол удовлетворения — и пустота, которая тут же заняла его место.

Некоторые вещи не уходили так просто.

Он откинул голову назад, позволяя тишине заполнить пространство.

Впервые за долгое время — без голосов, без приказов, без необходимости держаться.

Просто... остановиться.

И дышать.

Он не замечал, как проходили его дни.

Дни начали сливаться один в другой. Бьёрн пытался вернуть себе прежнюю рутину — тренировки, советы, привычную еду, короткие часы тишины в собственных покоях. Он действовал, потому что бездействие оставляло слишком много места мыслям. Но связующая нить с девушкой никуда не делась. Сначала она казалась лишь остатком того, что

произошло в лесу. На третий день он понял, что ошибся.

Утро Бьёрна начиналось всегда одинаково.

Тренировочная площадка за внутренними стенами замка встречала его холодным камнем и утоптанной землёй. Утренний воздух был прохладным, в нем были слабые отголоски цветочных ароматов. В этом краю вечной весны всегда что-то цвело. Бьёрну нужно было к этому заново привыкать. Это сильно отличалось от запахов заснеженного Сумеречного Бора.

Он двигался жёстко, точно, без лишних движений. Клинок ложился в руку привычно — как продолжение тела. Удар, поворот, шаг, разворот корпуса. Всё выверено, всё под контролем, так же, как было всегда.

Он бил до тех пор, пока мышцы не начинали гореть, пока плечи не наливались тяжестью, пока дыхание не сбивалось. Он загонял себя в усталость намеренно.

Но сейчас это не помогало. Не избавляло от ненужных мыслей, не приглушало эту странную связь. Она тянулась сквозь движение, сквозь дыхание, сквозь напряжение — как тонкая нить, которую невозможно было оборвать.

Он стиснул зубы сильнее, чем нужно, и усилил удар. Металл прорезал воздух — резко и тяжело. Он злился, что не мог контролировать это. Он всегда держал контроль...но не сейчас.

О привык, что всё подчинялось ему. Так было проще. Сила — держалась в границах. Люди — знали своё место. И

даже магия... не выходила за пределы дозволенного.

Он сделал шаг вперёд, повёл удар по диагонали, чувствуя, как напряжение идёт от корпуса.

Король Генри тоже так думал — всё должно быть под контролем, особенно магия. Она должна служить, подчиняться, быть предсказуемой и подконтрольной.

Клинок пошёл вниз и глухо ударился о стойку. Бьёрн остановился.

Король не боялся магии. Он боялся того, что не может подчинить, он боялся хранителя, сила которого стала слишком велика.

Он медленно выпрямился, чувствуя, как внутри поднимается знакомое, тяжёлое раздражение.

Когда-то, далёкие восемьдесят лет назад, между ними не было вражды, это было сотрудничество. Пока их цели не разошлись: король захотел полного контроля над магией. Бьёрн отказался. Синегорье с того момента перестало подчиняться короне. Будучи землями хранителя это место буквально сочилось живой магией. Он не мог отдать его под контроль. Как и Сумеречный Бор, который таил в себе слишком большую силу, которая могла быть разрушительной не в тех руках.

Он сжал рукоять слишком сильно, дерево едва слышно скрипнуло. И всё равно этого было недостаточно, чтобы заглушить то, что тянуло изнутри.

Днём он сидел в зале совета.

Каменные своды поднимались высоко вверх, теряясь в полумраке. Свет ложился мягко, рассеянно, и только круглый стол в центре зала держал внимание — тёмное дерево, прорезанное сетью рун. Они едва тлели, как будто дышали огнём изнутри.

Люди уже были на местах, когда он вошёл. Голоса стихли сразу после его появления. Он занял своё место, жестом велел продолжать разговор.

— Они подошли ближе, — сказал один из советников. — С восточного перевала.

— Разведка? — коротко спросил Бьёрн.

— Подтверждает. Это не случайные группы.

— Проверяют границу, — добавил другой.

— Или ищут слабое место, — сказал Роан, который присутствовал на совете со свежими сведениями.

Тихий гул прошёл по столу.

— Они не войдут, — уверенно бросили с края.

— Уже пытались.

— Пытались, — резко отозвался другой. — И отступили.

Это не значит, что не попробуют снова.

— Попробуют, — согласился третий. — Вопрос — как.

Голоса начали накладываться.

— Если это подготовка, они будут давить с нескольких направлений.

Бьёрн поднял взгляд.

И этого оказалось достаточно.

Голоса стихли сами.

— Они пытаются нас отвлечь, — сказал он.

Спокойно.

— Почему? — спросили осторожнее.

Короткий взгляд.

— Они пытаются добраться к арке. Король хочет взять её под контроль, открыть проход, черпать силу из самого источника. Синегорье тоже интересно ему, но не в той мере. Первоначальная цель - этот разлом.

Пауза.

— Он уже пробовал к ней пробраться? — тихо спросил кто-то.

— За последние пять лет я растерзал в Сумеречном Бору добрых несколько легионов его лучших воинов, в том числе магов. — в наступившей тишине хранитель продолжал: — Моя магия всегда скрывает Арку. Благодаря этому часть троп невозможно увидеть. Застрявшие там будут ходить кругами пока не умрут от истощения или потери рассудка.

— Ты хочешь сказать, что мы в абсолютной безопасности и ничего может не случится? — с присущей ему легкостью спросил Кейр.

— Я этого не говорил, — нахмурился Бьёрн. — Разлом сам по себе не стабилен. Первоочередная задача попытаться его закрыть.

Напряжение повисло в воздухе.

— Ты уверен, что магия разлома нам никогда не пригодится? — осторожно спросила Эйра.

Бьёрн провёл пальцами по поверхности стола и руны отозвались слабым теплом.

— Магия разлома разрушительная, я знаю это. Было бы большой ошибкой пускать в наш мир то, что ему не принадлежит. Даже без арки, — в Синегорье они не проникнут, оно их не пустит.

— Это так, только пока ты жив, — Элдран вышел из тени. — У тебя нет наследника, чтобы продолжить род хранителей.

— Пока ты здесь, они не пройдут. А если тебя не станет...? — негромко уточнил кто-то.

— Наша армия и маги достаточно обучены, чтобы держать границы и без магии хранителя — уверенно парировал Роан. — Не забывайте про живую силу этого места, окружение гор и наши патрули на всех подходах. Мои люди знают эти горы как свои пять пальцев.

В воздухе осталось напряжение.

Бьёрн сжал пальцы от вновь нахлынувшего ощущения чужого присутствия.

Он отвечал ёмко и чётко, как и должен был. И всё же где-то под этим — глубже — оставалась эта связь. Он на секунду потерял нить разговора. Сосредоточившись Бьёрн глубоко вдохнул, в попытке вернуть себе контроль. Не получилось.

Совещание можно было считать для него окончанным.

Его захлёстывали чужие эмоции, реакции. Он был не до конца здесь. Это раздражало сильнее, чем всё остальное.

К концу совещания он не выдержал. Не стал объяснять. Не стал предупреждать. Просто ушел.

Бьёрн исчез в огненном вихре как только вышел за двери. Лес принял его блаженной тишиной. Он позволил телу измениться. В один прыжок он превратился в огромного бурого медведя. И впервые за день стало тише.

Связь не исчезла. Но отступила. Но эмоции стали тише. Он меньше слышал, меньше воспринимал. Зверь глушил в нём всё человеческое. Это как раз то, что ему было сейчас необходимо.

Чужие эмоции дали ему передышку, но свои мысли он игнорировать не смог.

Резко останавливаясь Бьёрн вспомнил когда-то такое родное имя - Элира.

Кажется, что это было слишком давно. Он не позволял себе вспоминать, но память уже поднялась.

Её голос. Её уверенность. То, как она говорила о границах, о контроле, о том, что силу нельзя оставлять без поводка.

Он сжал челюсть. Она тоже сделала свой выбор. И, хуже всего было то, что он до сих пор не был уверен, что сам не подтолкнул её к этому выбору.

Так прошла неделя.

Семь дней, в которых он пытался удержать привычное — и каждый раз натыкался на то, что больше не подчиняется.

Семь дней, в которых прошлое возвращалось — не словами, а ощущениями. И всё это время она не исчезла ни на мгновение.

Он спасался в прохладе Сумеречного Бора. Он бродил по лесу в облике медведя, то и дело стабилизируя разлом, сила которого, будто чувствуя что-то намеревалась выплеснуться через край.

Это помогало глушить эту нить, которая и выводила его из себя... и одновременно не давала окончательно оторваться от жизни.

Сегодня он не планировал спать, но усталость за несколько дней навалилась на него неподъемной ношей. Добравшись до своей кровати, он рухнул на неё тут же проваливаясь в сон.

Солнечный свет.

Тёплый ветер, наполненный запахом цветов — сладким, густым, почти нереальным.

Перед ним раскинулась поляна, живая, сияющая красками. И в её центре — каменная арка.

Та самая. Это был разлом, портал, который ему следовало охранять.

Старая арка, вырезанная из серого камня, испещрённая рунами. Они мягко светились холодным, глубоким синим светом, будто дышали.

Перед аркой стояла она.

Белый лёгкий сарафан колыхался от ветра, волосы мягко ложились на плечи. Она тянулась вперёд — к арке, к этому свету, к тому, что скрывалось за ним.

Он узнал её сразу.

Та, что освободила его.

В груди что-то сжалось.

— Не надо... — хотел сказать он.

Но голос не вышел.

Он только смотрел.

Слишком далеко. Он не двинулся.

Она делала шаг.

Ещё один.

Рука уже почти касалась границы арки — тонкая, живая, человеческая.

Внутри него что-то резко вспыхнуло — тревога, почти страх.

— Стой...

Он рванулся вперёд — и не сдвинулся с места.

И в этот момент она замерла.

Медленно повернулась.

И их взгляды встретились.

Её глаза — тёплые, глубокие, живые. В них было что-то... настоящее, чистое, не тронутое тьмой. Они сияли мягким светом, будто отражали саму жизнь.

Он замер, сбитый с толку, очарованный, лишенный дара

речи.

Слишком красивая. Слишком... нереальная.

Мир вокруг словно отступил.

Остались только её глаза.

И тонкая нить между ними.

Он резко проснулся.

Вдох сорвался с губ, будто его выдернули из глубины силой.

Холодный пот выступил на коже, простыни липли к спине. Сердце билось глухо, тяжело — слишком быстро для сна, слишком реально для кошмара.

Он резко сел.

Тьма. Каменные стены. Его покои.

На мгновение он не узнал их.

Тело налилось тяжестью, затекло, как после долгого забвения. Сколько же он спал?

Сон не отпускал.

Он всё ещё чувствовал его — не образами, не картинками, а этим ощущением безоружности.

Он закрыл глаза — и тут же на него обрушилось это.

Панический страх. Не его. Чужой.

Резкий, сжимающий грудь, рвущий дыхание. Паника, живая, настоящая, будто кто-то задыхался — прямо сейчас. Будто кто-то... там.

Он стиснул зубы, резко выдохнул, пытаясь оттолкнуть это от себя.

Не получалось.

Это было не воспоминание.

Это происходило.

Сейчас.

Внутри него что-то откликнулось — глухо и болезненно.

Та самая нить.

Невидимая, но натянутая до предела.

И по ней — чужой страх хлестал, как буря.

Он замер.

И в этот момент понял.

Это она.

Та, что стояла у арки.

Та, что посмотрела на него.

Та, что...

Бьёрн резко поднялся с кровати.

— Твою мать...

Слова прозвучали глухо.

Он уже знал.

Что бы ни происходило — оно происходит с ней.

Прямо сейчас.

И если он ничего не сделает...

Он сжал руки в кулаки.

В груди что-то вспыхнуло — жёстко, резко, как удар.

Он резко поднял голову.

И в этой тишине, среди каменных стен, Бьёрн вдруг ясно

понял:

он знает, где её искать.

Глава 8

Отклик

*Есть нить, что не разорвется,
Даже сквозь страхи и боли.
Лес безошибочно скажет,
Когда вы большие, чем двое.*

Знакомый лес встретил его вязкой тишиной, лежавшей между деревьями плотным слоем, словно сама ночь замедлила дыхание, не решаясь нарушить то, что происходило в глубине Сумеречного Бора.

Воздух здесь был другим — плотнее, насыщеннее, живее. Запахи казались почти осязаемыми, а земля под ногами отозвалась едва заметной вибрацией, будто узнала своего Хранителя.

Бьёрн не двигался. Он глубоко вдохнул и медленно закрыл глаза, позволяя лесу дотянуться до него первым.

Ответ пришёл сразу.

Корни, уходящие вглубь, передавали движение, ветер приносил обрывки звуков, едва касаясь листвы, и всё это складывалось в единую картину — ясную, цельную, живую. Девушка. Страх. Резкое движение. Чужие руки.

Он резко открыл глаза — и уже знал, куда идти.

Бьёрн двигался быстро, но почти бесшумно, так, будто сам лес подстраивался под его шаг, не позволяя веткам цепляться за одежду и не давая листве шелестеть под ногами. Когда он остановился, поляна уже была перед ним.

Он не вышел сразу, оставаясь в тени и наблюдая за тем, что происходило на её кромке.

Девушка была прижата к дереву. Крупный мужчина держал её, нависая, не оставляя ей ни пространства, ни возможности отступить, и в его голосе — низким, липким — звучала та самая интонация, от которой воздух становился тяжёлым.

Ещё двое мужчин стояли по обе стороны от дерева, преграждая пути к отступлению.

Бьёрн не слышал слов. Ему было достаточно того, что проходило через неё — страх, сопротивление, отвращение, — и это накатывало на него, как волны, чужие, но слишком близкие, чтобы их можно было игнорировать.

Он стиснул зубы.

Ему надоела эта связь. Ему не нравилось чувствовать чужое тело, чужое дыхание, чужую панику как свою. Не нравилось, что это происходит без его разрешения, без контроля, без возможности остановить. В тот момент он захотел прекратить это немедленно. После стольких лет душевного оцепенения поток этих эмоций будто разрывал его изнутри.

И в какой-то момент пришла мысль — ясная и холодная: если она исчезнет — исчезнет и это.

Он замер, заставляя себя остаться на месте, не вмеши-

ваться, удержать контроль. В голове слишком ясно прозвучали слова пророчества, услышанные им много лет назад.

Он смотрел, проверяя, оценивая и удерживая себя на месте дольше, чем следовало, будто ещё оставался шанс, что он справится — что сможет не вмешаться, не сорваться и не перейти ту границу, за которой погубит себя.

Мужчина держал её за лицо грубо, не давая отвернуться и заставляя смотреть на себя, и в этом жесте не было ничего двусмысленного — только власть и намерение, которое слишком легко считывалось без слов.

Плащ уже лежал у её ног, ткань сползла с плеча, обнажая кожу, и холод касался её так же беспощадно, как его пальцы. У неё больше не осталось сил сопротивляться: дыхание сбилось, стало рваным, и сквозь него начали прорываться тихие, сдавленные всхлипы, которые она уже не могла удержать. Слезы текли сами, без контроля, а страх нарастал, переходя в паническое, почти животное ощущение, от которого невозможно спрятаться. Бьёрн чувствовал это слишком ясно — слишком близко, чтобы отстраниться.

Мужчина наклонился ближе, что-то сказал тихо, почти лениво и, не отпуская её, провёл большим пальцем по её нижней губе медленно, намеренно, с тем самым движением, после которого уже не остаётся сомнений, чем всё закончится. И именно в этот момент она окончательно сорвалась: паника ударила резко и глубоко, захлестывая, лишая опоры, и это стало последней каплей.

Внутри Бьёрна мгновенно вскипел гнев — без остатка, без попытки удержать, сметая всё, что ещё держало его на месте. Он больше не стал его подавлять. Решение было принято сразу, без колебаний: он двинулся вперёд с единственным намерением — сломать, разорвать, уничтожить того, кто стоял перед ней.

Сила откликнулась мгновенно — не вспышкой, а ударом.

Гнев Бьёрна рванул через неё, прошёл сквозь её тело и вернулся наружу уже чужим, искажённым, неуправляемым. Воздух на поляне дрогнул, словно под тяжестью невидимой волны.

Варден отскочил так резко. В его глазах на долю секунды вспыхнул страх — чистый, ничем не прикрытый. И этого оказалось достаточно. Он сорвался с места, спотыкаясь, пятясь, разворачиваясь, исчезая в тени деревьев так быстро, как будто лес мог его проглотить и спрятать. За ним следом ринулись и двое других.

Бьёрн сделал шаг следом — рефлекторно, почти автоматически, с тем самым намерением, которое не оставляет после себя выживших, — и остановился. Не потому, что не мог догнать, не потому, что не хотел, а потому, что в тот же самый момент почувствовал, как нить между ними натягивается до предела, как её дыхание сбивается ещё сильнее, как его собственная ярость продолжает идти через неё, ломая её изнутри быстрее, чем он успеет добраться до цели.

Он мог убить этого человека. Легко. Быстро. Без усилия.

Но цена этого удара сейчас лежала у него на руках ещё до того, как он успел её поднять, — в её сбитом дыхании, в дрожи, которая уже проходила по её телу, в том, как сила, поднятая им, разрушала её, не делая различий между врагом и проводником.

Он стиснул зубы и заставил себя остановиться окончательно, глядя в ту сторону, где только что исчез Варден и его дружки, и в этом взгляде было всё, что тот должен был бы увидеть, если бы обернулся: обещание, которое не нужно произносить. Не сейчас.

Сейчас важнее было помочь ей, удержать. Её тело не предназначено для этого. Она сторит изнутри, его сила просто сожжёт её как щепку. Мысль ударила глубоко, так, что от неё невозможно было отвернуться.

Бьёрн вышел из тени быстро, без колебаний, оказавшись рядом раньше, чем она успела его заметить.

Она стояла, едва держась на ногах, спиной прижатая к стволу, и по её рукам тянулись тонкие светящиеся линии, похожие на корни, обвивающие кожу. Пламя рвалось из-под её пальцев — дикое и неуправляемое.

Сила билась вокруг неё, как зверь. Она дышала быстро и рвано, не понимая, что происходит.

Бьёрн подошёл ближе. Огонь отозвался сразу — поднялся выше, агрессивнее, словно почувствовал в нём угрозу, и воздух между ними на мгновение стал почти непроходимым. Но он, не останавливаясь, подошёл вплотную.

И положил руку ей на грудь — твёрдо, удерживающе, туда, где сердце билось слишком быстро, слишком неровно. Её тело дёрнулось от прикосновения, глаза распахнулись, но взгляд оставался расфокусированным.

Сила узнала его и ударила сильнее. Руны на его коже вспыхнули золотом, свет прошёл по линиям вниз по руке, откликаясь на поток, который он перехватывал.

— Тише, — сказал он уверенно.

Но поток только усилился. Он стиснул зубы, удерживая его, не позволяя разорвать ни её, ни себя. Она захрипела — не от боли, от перегруза.

— Дыши, — сказал он ровно.

Он не знал слышит ли она его, но понимал, что должен говорить. Её взгляд дрогнул и на мгновение стал осознанным.

— Спокойно. Слушай меня. Вдох.

Его ладонь на её груди стала единственной точкой равновесия. Сердце под ней билось бешено, и он чувствовал его как своё собственное.

Сила всё ещё шла — но теперь через него. Сначала он направлял её. Потом сжимал, перекрывая всплески. Держал изо всех сил. Руны на его коже горели всё ярче, свет стекался в ладонь, в точку их соприкосновения. Бьёрн сжал поток магии ещё сильнее — жёстко, без сомнений — и перехватил окончательно, втягивая обратно в себя, туда, откуда он пришёл.

— Вдох. Ещё раз. Вот так. — он говорил ей, как дышать,

и это работало. Её дыхание выравнивалось, а пульс уже не был таким беспорядочным.

Золотой свет в последний раз вспыхнул — и погас. Тишина спустилась на поляну тяжело и плотно.

Её глаза с трудом приоткрылись, словно каждое движение требовало усилия.

— Кто... ты?.. — еле слышно прошептала она.

Бьёрн наклонился ближе, всматриваясь в её глаза:

— Тот, кто должен был найти тебя раньше.

Слова сорвались прежде, чем он успел их обдумать... И это была правда. Слишком очевидная, чтобы её отрицать.

Он чувствовал их связь с самого начала. Игнорировал её. Давил. Уходил. Считал помехой, ошибкой, чем-то, от чего нужно избавиться. И всё это время он просто отворачивался от того, что должно было быть найдено.

Его взгляд задержался на её лице, и в груди тихо, почти болезненно отозвалось что-то странное — не желание, а нечто глубже, тревожно точное, словно перед ним оказалось то, что он должен был найти, даже не зная об этом.

Её пальцы дрогнули, глаза закрылись. И она потеряла сознание.

Он подхватил её сразу, не давая упасть. Её тело обмякло в его руках, полностью отдаваясь, и он перехватил её удобнее, позволяя ей устроиться так, будто её место всегда было здесь — её голова на изгибе его локтя, рука безвольно свисает вниз, а его ладонь ложится на её талию, удерживая.

Он выпрямился, прижимая её к себе. Эта девушка была такой хрупкой, почти невесомой. И абсолютно беззащитной.

От этого зрелища в его груди зашевелился узел из сплетения противоречивых эмоций. Смесь тревоги, вины, восхищения и какого-то необъяснимого трепета буквально разрывала его грудную клетку. На этот раз всё это было его, только его.

И только когда он сделал несколько шагов, лес отозвался.

Тени между деревьями дрогнули и сдвинулись, и из темноты начали выступать силуэты: высокие и тонкие. Он знал их — это были эльфы, они неотрывно смотрели на них с холодным светом в своих водянистых глазах.

Следующими, у самых стволов пушистых елей, стоявших на кромке поляны, показались дриады. Их кожа с оттенком коры и иголок делала их почти невидимыми на фоне зимних деревьев. Глубокие зелёные глаза внимательно наблюдали за Бьёрном.

Ниже, у самого основания, появились гномы — тяжёлые и устойчивые, словно выросли из-под земли и были её частью.

Следующими он заметил зверей — оленей и волков, тихих и внимательных. Они остановились на границе света.

Бьёрн в недоумении смотрел за столь впечатляющей процессией. На мгновение он замер. Но прежде чем он успел осмыслить увиденное, все лесные жители разом склонили головы.

Олени и волки, эльфы, дриады и гномы — все как один

склонились в поклоне.

За всё время, что Бьёрн был хранителем, он не удостоивался таких церемоний.

Бьёрн почувствовал это ясно — кланяются они не перед ним. И не перед ней. А перед тем, что было между ними.

Он почувствовал это как отсутствие, которое вдруг стало целым, как силу, которую он знал всю жизнь, но никогда не держал полностью.

Его пальцы сжались сильнее. Нить между ними дрогнула от обретённого равновесия.

Лес не признавал нового Хранителя. Лес узнавал целое.

Бьёрн медленно выдохнул, осознавая очевидное. Он не смог сказать, где заканчивается он — и начинается она.

Огонь вспыхнул вокруг него, собираясь в вихрь.

И в следующее мгновение их не стало.

Но лес ещё долго не поднимал головы.

Глава 9

Лисица в тени

*В тени её не видно и не слышно,
лишь воздух чуть меняет ход.
Но стоит сердцу дрогнуть на
мгновенье —
она тебя уже найдёт.*

Он не сразу понял, в какой момент лес отпустил его. Просто в какой-то точке между шагом и вдохом напряжение под ногами исчезло, корни перестали тянуться к нему.

Теперь его встречало Синегорье: камень под ногами был холодным и ровным, воздух — чистым, почти прозрачным, свет ложился спокойно, не пытаясь проникнуть внутрь, не касаясь его так, как это делал лес.

Бьёрн остановился лишь на мгновение, будто давая этому переходу завершиться, а затем пошёл дальше, не сбавляя шага, чувствуя в руках её вес — почти отсутствующий, слишком лёгкий, чтобы быть правильным, — и именно это ощущение не давало ему замедлиться. От этой невесомости ему казалось, что вот-вот — и её просто не станет.

Она не приходила в себя.

Дыхание было неглубоким, неровным, будто срывающимся на каждом втором вдохе, и связь между ними становилась натянутой, болезненной, как струна, которую нельзя ослабить, не рискуя её порвать.

Он двигался дальше, не позволяя себе замедлиться. Слуги, что встречались ему на пути, лишь поворачивались следом, быстро подстраиваясь под его шаг, двигаясь без лишних слов, в напряжённом ожидании приказа.

— Лекаря, — сказал он коротко, не останавливаясь.

Он свернул в ближайшие покои, не выбирая, не раздумывая — просто те, что оказались ближе. Тяжёлые двери раскрылись перед ним раньше, чем он коснулся их.

Они были светлее его собственных, почти пустые, с холодным ровным светом и минимумом вещей, как будто предназначенные не для жизни, а для временного пребывания.

Марта вошла сразу за ним. Он заметил её лишь краем взгляда — достаточно, чтобы увидеть, как она уже засуетилась, разглаживая простыни на постели, как её взгляд мгновенно упал на девушку в его руках, считывая всё без лишних слов.

Он осторожно опустил её на постель.

Её тело почти не сопротивлялось движению, лишь едва заметно откликнулось, когда ткань под ней смялась, и это было единственным признаком того, что она всё ещё здесь.

— За лекарем уже послали, — чётко сказала Марта. — О ней позаботятся. Я прослежу.

Бьёрн коротко кивнул. Женщина кивнула в ответ и удалилась в купальню, намереваясь смыть следы сажи с девичьего лица.

Он не сразу убрал руки. Задержался на мгновение дольше. Её дыхание оставалось рваным, но больше не срывалось так резко, и нить между ними уже не резала изнутри, как раньше, а лишь тянулась, глухо и настойчиво, напоминая о себе с каждым вдохом.

Холодное чувство беспомощности накрыло его внезапно. Он больше ничего не мог сделать, теперь он должен был ждать.

Бьёрн опустил взгляд на её лицо — бледное, неподвижное, с тем самым спокойствием, которое не было настоящим, — и в груди снова тихо, почти болезненно, отозвалась смесь разных чувств.

Не сейчас.

Он стиснул зубы, отрезая ненужные мысли, и остался на месте, не двигаясь, не отступая, будто одно это уже имело значение.

И только когда её дыхание стало чуть ровнее, он позволил себе на несколько секунд с облегчением закрыть глаза.

Эйра привалилась к стволу дерева на краю Сумеречного Бора, с усилием втягивая воздух, будто каждый вдох приходилось заново возвращать в тело.

Тошнота поднималась волнами — глухими, тянущими, и

на мгновение ей показалось, что земля под ногами всё ещё уходит, не желая останавливаться вместе с ней.

Она стиснула пальцы, вцепляясь в кору, пережидая.

— Снова, — раздражённо шепнула она. — Каждый раз одно и то же.

Перемещение вырывало слишком резко — не только из пространства, но и из себя, оставляя после ощущение, будто тело на мгновение забывало, как существовать.

Через горы было бы проще. Дольше — но проще. А сейчас время было особенно дорого. Она выдохнула, медленно, до конца, заставляя себя вернуться полностью.

Как только мир перестал плыть, она оттолкнулась от дерева, огляделась — коротко, цепко, отмечая границы, тени, движение, — и в следующее же мгновение шаг перешёл в прыжок.

Тело изменилось в движении — без остановки, без разрыва.

Белая шерсть вспыхнула вместо ткани, лёгкость пришла вместе с формой, и уже через долю секунды на месте, где стояла девушка, мягко приземлилась белоснежная лисица с густой шерстью, на которой сверкали мягкие переливы света.

Лисица замерла на мгновение, вслушиваясь. Хвост мягко качнулся, улавливая ветер.

Поймав направление, она сорвалась с места — и уже через секунду растворилась в белизне, двигаясь в сторону Се-

ролесья.

К деревне Эйра подошла уже в человеческом облике.

Коричневый плащ скрывал её стройную фигуру, капюшон — лицо и слишком приметные рыжие волосы. Она выглядела как обычная путница. Таких здесь было достаточно, чтобы не вызывать лишних вопросов.

Она была напряжённой и собранной, готовой в любой момент перевоплотиться. Эйра медленно шла по главной улице, позволяя взгляду цепляться за детали. Деревня жила спокойно, без страха и напряжения, и именно это её настораживало.

Эйра остановилась у небольшой бакалейной лавки с вывеской, из которой тянуло свежим хлебом и сладким тестом. Колокольчик тихо звякнул, когда она вошла.

За прилавком стоял мужчина лет пятидесяти — плотный, с добродушным лицом, пышными усами и внимательными глазами.

Он сразу поднял взгляд.

— Доброго дня, — сказал он. — Чем могу помочь?

— Что-нибудь сладкое, — спокойно ответила Эйра, оглядывая витрину. — В дорогу.

— Есть сдоба с мёдом. Свежая, — он уже тянулся за ней. — Только из печи.

— Подойдёт.

Он ловко заворачивал выпечку в бумагу, напевая под нос

какую-то весёлую мелодию, и с улыбкой протянул ей.

— Впервые у нас? — участливо поинтересовался он.

— Проездом, — легко ответила она. — Думаю, где остановиться, что посмотреть.

Мужчина кивнул, как будто ждал этого вопроса.

— Да у нас тут спокойно. Ничего особенного, но... — он чуть улыбнулся. — Есть пара мест, куда заглянуть стоит.

— Например?

— Лавка травницы, — без паузы ответил он. — Вон там, за поворотом. Не пропустите.

Эйра чуть приподняла бровь.

— Травницы?

— Ага, — он даже оживился. — Девчонка молодая, а руки... — он покачал головой. — Чудо, а не руки. Людей на ноги ставит. Что ни настой — работает. Лиарой её зовут, волшебница, честное слово.

Он сказал это легко, по-доброму, без тени сомнения. Эйра кивнула, принимая свёрток.

— Прямо настоящая волшебница? — с прищуром спросила девушка.

Бакалейщик на секунду изменился в лице и спросил уже холоднее:

— А вам что до того? Даже если так? — напрягся мужчина.

Эйра тут же переменила тактику и, обворожительно улыбнувшись, уже тише заговорила:

— Я бы сама не отказалась от волшебной целительной настойки, только ведь как добудешь. С этими дурацкими запретами на магию...

Бакалейщик заметно расслабился и доверительным шёпотом в тон заговорил:

— Не знаю, чародейка ли она, но очень даже может быть. Её мать лет так с пяток назад казнили за колдовство. Так что, я думаю, если вы пройдёте до лавки травницы, то у вас есть все шансы купить по-настоящему волшебное снадобье.

У Эйры внутри всё похолодело. Разговорить его было до ужаса просто. Вот ведь дурак. В два счёта рассказал всё милостивой незнакомке. Если бы на её месте был человек короля, то этого бы хватило для того, чтобы казнить эту девушку.

— Здорово! — с чувством сказала Эйра. Что бы ни происходило в её голове, она прекрасно отыгрывала роль. — И часто к ней ходят?

— Да все ходят, — вдохновенно продолжал он. — И свои, и проезжие. Кто раз попробовал — потом только к ней.

— Кого ещё мне стоит посетить? — глупо хлопая глазами, спросила она.

Он на секунду задумался.

— А если дальше — кузнец у нас есть. Арвен. Вот уж кто мастер! Ножи и клинки у него — загляденье. Подозреваю, что нигде в округе таких нет. К нему даже с тракта специально сворачивают.

— Арвен? — тихо уточнила она.

— Угу. Брат той самой травницы, — между прочим заметил он. — Дальше трактир, — он кивнул в сторону улицы. — Эль у них достойный. Если ночевать у нас планируете, то вам тоже туда.

— И шкуры, — добавил он уже с улыбкой. — У нас зверя много, мех хороший. Через дорогу от меня лавка. Там можно выбрать. Лисьи, кстати, красивые сейчас — светлые, зимние.

Эйра посмотрела на него, игриво сверкнув глазами:

— Лисьи точно не нужны.

— Ну, дело ваше, — добродушно добавил он.

Эйра взяла свёрток, оставляя на прилавке несколько монет.

— Благодарю за выпечку и рекомендации. Всего доброго!

— Заглядывайте.

Колокольчик снова звякнул за её спиной.

Добродушная улыбка тут же сползла с её лица.

Вот пустоголовый болван! — зло подумала девушка.

Теперь она целенаправленно пошла в лавку «волшебницы». Что-то ей подсказывало, что это именно та девушка, которую она ищет. Долго блуждать не пришлось. Лавка нашлась сразу. Даже не обратив внимания на вывеску, Эйра догадалась, что пришла правильно. По людям. У входа кто-то стоял, кто-то выходил. Место выглядело оживлённым.

Она остановилась чуть в стороне и посмотрела в окно.

Лиара стояла у деревянной стойки и что-то живо расска-

зывала паре покупателей, стоящих перед ней. Глаза её светились, движения были ловкими, точными и изящными. Улыбаясь, она снимала с полок какие-то свёртки, не прекращая говорить, легко удерживая внимание тех, кто стоял перед ней.

В лавке было светло от солнца, но Эйра вдруг поймала себя на мысли, что дело не только в этом. В девушке было что-то... неуловимое. Не свет — нет. И не магия в привычном смысле. Скорее тихий отклик, едва заметная вибрация, будто под самой поверхностью что-то жило своей жизнью, не проявляясь до конца, но и не скрываясь полностью.

Эйра чуть прищурилась, всматриваясь внимательнее, словно пытаясь ухватить это ощущение за край. Сила не была оформленной. Не била в глаза. Не звала. Но она была — тонкая, неустойчивая, как пламя, которое ещё не разгорелось, но уже невозможно погасить, если знаешь, куда смотреть.

И при этом — она была слишком открыта.

Слишком живая. Слишком на виду.

В другом месте это было бы просто очарованием. Здесь — становилось уязвимостью.

С такими «простодушными» и болтливymi соседями её казнь — это всего лишь вопрос времени, если она останется здесь. Её следовало увести в Синегорье. Эйра медленно выдохнула, не отрывая взгляда от окна. Значит, времени у неё меньше, чем она думала.

Но действовать вслепую — ещё опаснее. Ей требовалось ещё несколько ответов. И быстро.

Дальше она двинулась в сторону трактира, который нашла по смеси запахов: эль, жареное мясо, дым.

Внутри было тепло и шумно. Она вошла, не привлекая внимания, и заняла место у стены. Так, чтобы видеть и вход, и зал.

Трактирщик — широкий детина, с короткой бородой — кивнул ей:

— Что подать?

— Эль, — коротко ответила она, не снимая капюшона.

Он поставил кружку перед ней почти сразу. Эйра сделала глоток. На вкус это было нечто среднее между ослиной мочой и крайне неудачной попыткой сварить эль. Она заставила себя не поморщиться.

Эйра медленно опустила кружку на стол, не меняя выражения лица. Пальцы остались лежать на краю кружки — расслабленно, почти лениво, когда дверь трактира снова распахнулась.

Трое мужчин вошли вместе. На них были дорожные запылённые плащи. Они шли слаженными, уверенными шагами, и были не похожи на случайных путников. Взгляды — быстрые, цепкие — едва уловимо скользнули по залу, задержались на людях, на выходах. Но Эйра заметила: не местные.

Она чуть опустила взгляд, будто ей нет до них дела, но наблюдать не перестала. Они прошли вглубь зала и заняли

самый дальний стол, где было темнее всего. Не спеша и не суетясь.

Она отпила ещё — больше для вида, чем по необходимости. Прислушалась. Пока — ничего. Но что-то в них было не так. Они были слишком собранными и внимательными, как для обычных путников.

Люди короны так и выглядят, пронеслось в её голове.

Эйра медленно провела пальцем по краю кружки. Выждала ещё несколько ударов сердца. Она поднялась со стула спокойно, без спешки, и направилась к заднему коридору.

— Где у вас тут... — бросила она трактирщику на ходу.

Он махнул куда-то вглубь.

— За углом, — бросил он, натирая грязной тряпкой мутный стакан.

Эйра кивнула и исчезла в полумраке. За поворотом стало тише. Запахи сменились — сырость, дерево, холод камня. Она остановилась и прислушалась ещё раз. Голоса тонули в шуме зала — глухие, обрывочные, ускользающие, как будто нарочно не даваясь. Даже её слуха было недостаточно, чтобы вытащить из этого хоть что-то связное.

Эйра чуть стиснула зубы. Говорили они слишком тихо, слишком осторожно. Значит — она не ошибалась.

Она на мгновение задержала взгляд на зале, оценивая расстояния, людей, тени, возможные линии движения. Здесь было слишком много глаз. Слишком тесно. Слишком легко попасться.

Она прикидывала варианты: можно было уйти, вернуться позже, попробовать иначе. Но потом может быть поздно. Она выдохнула медленно, до конца. Значит — сейчас. Выбора нет.

Она на секунду закрыла глаза и приняла решение. В темноте пыльного коридора у неё не было свидетелей. Она сделала глубокий вдох, позволяя телу измениться. Без вспышек и лишнего шума. Лишь мягкое, почти незаметное движение — и вместо девушки в узком проходе осталась небольшая тёмно-рыжая лисица.

Она скользнула обратно в зал — вдоль стены, под столами, между сапог. Двигалась она намного быстрее обычной лисицы. Никто не обратил внимания, а даже если бы кто-то посмотрел прямо на неё, то увидел бы не больше чем размытую рыжую вспышку.

Она нашла их сразу. Они сидели за дальним столом в углу. Две лавки тут складывались, образуя тёмную нишу под ними, в которой она смогла укрыться. Лисица юркнула в самый угол и замерла, прижавшись к тёмному полу, наострив уши.

— ...сказали, она здесь, — глухо произнёс один.

— В этой-то дыре? — усмехнулся другой.

— Где-то рядом. Нам не дали точного места.

Скрип кружки.

— И кого мы ищем вообще? — раздражённо бросил третий. — Девку какую-то?

— Не «какую-то», — резко ответили ему. — Ту, что освободила его.

— Хранителя?

— Да.

Уши лисицы едва заметно дрогнули.

— Король хочет её живой, — продолжил первый. — Любуй ценой. Сказали — она важна.

— На что она ему сдалась?

— Не наше дело.

Тишина стала плотнее.

— Если она правда это сделала... — тихо сказал кто-то.

— Значит, нам нужно её найти как можно быстрее. Если хранитель ещё её не забрал. Вполне возможно, что её уже и след простыл, — раздражённо буркнул голос.

Эйра замерла. Лапы едва заметно впились в доски.

— Мы хоть знаем, как она примерно выглядит?

— Да лес её знает! Девка и девка. Будем искать ту, которая может творить чары.

— Как бы я ни хотел покончить с этим как можно скорее, сегодня уже слишком поздно. Смеркается. Заночуем сегодня тут. А завтра попробуем разузнать побольше.

Остальные двое одобрительно отозвались.

— Ох уж этот эль! Ничего гаже в своей жизни не пробо-вал!

— Ты ещё есть не начал, — мрачно ответил один из них.

— Мясо на вкус как моя подошва.

Дальше слушать не было смысла.

Эйра медленно выдохнула, заставляя себя не двигаться раньше времени, не выдать себя ни звуком, ни лишним движением, пока в голове окончательно не схлопнулась вся картина происходящего. Слишком много неизвестного.

Плана как такового не было — и не могло быть. Он не складывался, не требовал продумывания. Он просто свёлся к одному-единственному действию, от которого теперь зависело всё. Забрать её. Сейчас же. Всё остальное — потом.

Она осторожно отступила, выскользывая из-под лавки. Никто не заметил. Эйра вернулась тем же путём — в тень, за угол.

Перевоплощение заняло несколько секунд. И вот она уже выходит из-за угла. Эйра поправила плащ, как будто просто вышла на минуту, вернулась к стойке, бросила несколько монет.

— За эль.

Голос звучал ровно. Она не стала допивать и поспешно двинулась к выходу.

Вечерний холод ударил в лицо, едва она вышла за порог.

Эйра понимала, что к утру этой странной девушки уже не должно быть в Серолесье. Нельзя допустить, чтобы её забрали люди короля. Для чего она им понадобилась, пока оставалось загадкой. Казнить за колдовство, очевидно, её не собирались. Она была нужна живой. Но для чего?

Эйра не стала задаваться вопросами, на которые не смог-

ла бы сама ответить. С этим поможет разобраться Элдран и остальные, в спокойном, безопасном Синегорье. Её задача теперь — доставить её туда.

Но нарисовалось ещё одно усложнение. У этой Лиары был брат. И, скорее всего, чтобы он отпустил сестру с какой-то незнакомкой, ей требовалось с ним увидеться, поговорить или понять, придётся ли учитывать это вообще.

Мысль об Арвене всплыла почти с досадой — как лишнее звено, как задержка, на которую у неё не было ни времени, ни желания. Люди всегда всё усложняют: словами, недоверием, попытками понять то, что проще принять и действовать. Она не любила уговаривать. Не любила объяснять. Не любила зависеть от чужого решения. Но оставить его в неведении — значило обречь их обоих.

— Вот блядь...

Слово сорвалось почти беззвучно.

Значит, кузница.

Значит, разговор.

Значит, убеждать.

Она сжала пальцы в кулак, словно уже заранее готовясь к этому, и, не оглядываясь, двинулась вниз по улице, туда, где ещё дышал огнём горн.

К утру у неё должно быть двое.

Иначе — у них не будет никого.

Глава 10

Искра и сталь

*Искра не знает, чем станет потом,
Сталь не готова принять этот зов.
Но там, где они оказались вдвоём,
Уже не осталось ни масок, ни слов.*

Жар в кузнице стоял густой, обволакивающий — такой, что дыхание становилось тяжелее, а кожа начинала чувствовать каждое движение воздуха. Пламя в горне рвалось вверх, окрашивая стены в тёплые, почти живые оттенки. Металл звенел под ударами молота — ритмично, глухо, как сердце, бьющееся внутри камня.

Эйра остановилась в проёме, не спеша входить, позволяя глазам привыкнуть к свету и движению, позволяя себе несколько мгновений просто наблюдать.

Он стоял к ней спиной, полностью погружённый в работу, и, казалось, не замечал ничего вокруг. Молот в его руках с силой опускался на раскалённый металл, и при каждом ударе вверх взмывали снопы искр, на короткое мгновение освещая его фигуру ещё ярче, делая каждое движение резче и отчётливее.

Она увидела руки — жилистые, с натянутыми под кожей

мышцами, испещрённые ожогами и шрамами. Эти руки не просто держали молот — они управляли им с такой точностью и лёгкостью, будто тот был продолжением его самого, подчинялся малейшему усилию.

Он почувствовал её присутствие раньше, чем повернулся.

Удар стал чуть медленнее, затем — сильнее, словно он вложил в него больше, чем требовалось, и только после этого он обернулся в профиль

— Закрыто, — бросил он, не глядя на неё. Голос был низкий, хрипловатый от жара и дыма. — Приходите завтра.

Уголок её губ чуть дрогнул. Эйра сделала шаг внутрь, и жар сразу же сомкнулся вокруг неё плотнее, почти ощути-мо, словно пространство кузницы неохотно принимало чужое присутствие.

— Я не совсем покупатель.

Молот замер на долю секунды, потом ударил снова — сильнее. И только после этого он обернулся.

Его прямой, тяжёлый взгляд был направлен на необычного посетителя. Карие глаза, чуть прищуренные, будто он приготовился оценивать угрозу. В них была настороженность.

Он отложил молот, вытер руки о тряпку и повернулся к ней всем корпусом, делая несколько шагов вперёд. С каждым шагом он словно заполнял пространство. Становился ближе и реальнее.

Она замерла на месте, следя за ним чуть дольше и пристальнее, чем следовало.

Высокий. Широкие плечи — не грузные, а собранные, как у человека, привыкшего к точным движениям. Тёмные волосы, чуть взъерошенные, прилипли к вискам от жара. Тёмная рубаша была слегка распахнута на груди, открывая кожу, на которой играли отблески огня, делая её почти золотистой.

Слишком собранный, серьёзный и какой-то... настоящий.

В тёплом свете его кузницы Эйра выглядела так инородно, так неправильно. Она была слишком... не отсюда.

Тонкой рукой она уверенно откинула капюшон. Её тёмно-рыжие волосы мягкими волнами падали на плечи и спину, ловя отблески огня; в них вспыхивали медные искры. Зелёные глаза были яркими, холодными и слишком внимательными.

— Если ты не пришла покупать, то что тебе нужно? — слегка наклонив голову набок, спросил он.

Арвен позволил себе рассмотреть девушку дольше, чем того требовали приличия. Он не сразу понял, что именно его зацепило. Но на короткое мгновение он просто завис, потому что она выбивалась из всего, что он привык видеть здесь, слишком лёгкая, слишком живая для этой тяжёлой, горячей кузницы, с тонкой, почти хрупкой фигурой, в которой, однако, не было ни слабости, ни неуверенности.

Тёмно-рыжие волосы мягко спадали на плечи, ловя огонь и отдавая его медными отблесками, и взгляд невольно цеплялся за них, скользил ниже — к линии шеи, к ключицам, к тому, как она держалась, будто знала о каждом своём дви-

жении; на лице — тонкий шрам, идущий от виска к скуле, почти незаметно нарушая идеальность черт, но именно поэтому делая её ещё более притягательной, добавляя опасности там, где могла быть просто красота.

Россыпь веснушек на лбу и переносице казалась почти случайной, тёплой, живой деталью, которая странно контрастировала с её взглядом — ярким, зелёным, ясным, слишком внимательным, таким, что он на секунду потерялся в нём сильнее, чем хотел бы признать, и именно это, не внешность сама по себе, а то, как всё в ней складывалось в одно целое, зацепило его сразу, резко и слишком глубоко.

Она прошла чуть глубже, и тепло сразу обняло её плотнее. Взгляд скользнул по инструментам... по столу... по заготовкам.

— Меня зовут Эйра. Я должна сказать тебе... — начала она, но слова оборвались, так и не оформившись до конца. Её взгляд остановился на стойке с готовыми клинками, и она буквально вросла в землю от внезапного осознания.

— Мне нужен кинжал, — сказала она слишком резко, словно сама не ожидала от себя этой интонации.

Он усмехнулся, коротко, почти беззвучно, но в этом звуке уже слышалось лёгкое раздражение.

— Не совсем покупатель, который пришёл покупать. Это интересно, — произнёс он, будто больше для себя, чем для неё.

Тем не менее он подошёл к стойке, взял один из клинков

— изящный, с бордовой рукоятью — и протянул его ей.

— Ну смотри, Эйра. — Имя прозвучало в его голосе ниже, чем обычные слова, с едва уловимой шероховатостью, будто он пробовал его на вкус. И это было как-то слишком близко для первого разговора.

Эйра неуверенно протянула руку, сомкнула тонкие пальцы на рукояти. Не отрывая глаз от стали, она взяла его двумя руками, разглядывая так, будто изучала опасный артефакт, который в любой момент может взорваться.

Парень со смесью раздражения и любопытства наблюдал, как незнакомка оценивает его работу.

Несколько минут прошли в давящей тишине. Эйра крутила и вертела закалённую сталь в своих руках, осматривая клинок со всех возможных сторон. Наконец она положила лезвие на ладонь и начала сжимать кулак.

И в этот миг металл откликнулся — тихо и глубоко. Тёплой, едва уловимой вибрацией, словно по коже прошёл тонкий импульс, узнающий, откликающийся, как если бы узнал её. Она чуть сжала пальцы. И почувствовала не силу клинка, а силу, которая его создала.

Её взгляд медленно поднялся на него — теперь совсем иной.

— Ты рехнулась! — резко вскрикнул Арвен, потянувшись за клинком. — Хочешь пораниться?!

Едва он успел приблизиться, Эйра уже разжала кулак, и нож лежал на открытой чистой ладони.

— Нет... — рассеянно сказала она. — Я не хочу порезаться. Мне надо было кое-что проверить.

Она подняла на него взгляд своих распахнутых от удивления глаз.

— Это ты сделал? Это твоя работа? — с нажимом спросила она.

Арвен, скрестив мощные руки на груди, невесело хохотнул. Будто уже был наполовину уверен, что перед ним стоит сумасшедшая.

— Ты в кузнице. Я кузнец. И всё, что ты здесь видишь, вышло из-под моего молота. Это моя работа.

Он говорил это так, будто объяснял элементарные вещи глупому ребёнку.

Но Эйре было плевать на его тон и беспечность. С каждой секундой тревога в ней разрасталась всё больше. Как она могла быть такой глупой? Если их мать была наделена силой, его сестра владеет даром, то и он тоже не мог быть пустым. Почему она не подумала об этом раньше?

«Ладно, это всё равно ничего глобально не меняет», — подумала она.

Он тоже должен пойти с ней. Ему тоже здесь не место.

Он маг — просто сам пока не знает об этом.

Её размышления прервал Арвен:

— Если ты надумала покупать — покупай. Если нет, то мне надо закрывать кузницу. Видишь ли, рабочий день уже закончен.

Его слова звучали как через толщу воды — настолько она была погружена в свои мысли. В голове уже созрел план. Долгие разговоры и убеждения были не в её характере. Поэтому, как только она осознала всё до конца, решила говорить напрямую.

— Вам нужно уходить. Тебе и твоей сестре, — ответом ей был недоумевающий взгляд. — Сегодня же.

— Люди короля здесь. Они её ищут. И тебя вместе с ней заберут.

Эйра говорила уверенно, выпрямившись, гордо вскинув подбородок, смотря прямо в тёмные глаза.

— Да кто ты вообще такая? Откуда ты знаешь хоть что-то о моей сестре? Может, хотя бы попытаешься объяснить?

Эйра в глубине души обрадовалась, увидев тревогу в его глазах. Он мог бы сразу выгнать её вшаей, но не стал этого делать. Он хотел выслушать, разобраться. Тот способ подачи информации, который она выбрала, был рискованный — либо пан, либо пропал.

— Я тебе всё сейчас объясню. Я из Синегорья. Меня послал хранитель Сумеречного Бора. Твоя сестра освободила его от проклятия...

— Она сделала что?— Он не сразу понял.

Эйра выдержала паузу, словно давая словам лечь.

— Ты правда не знаешь?

Он шагнул ближе.

— Я спросил.

— Несколько дней назад твоя сестра нашла в лесу магический капкан.

Он замер.

— И?

— В нём был зверь. Огромный. Бурый медведь.

Короткая усмешка — жёсткая, неверящая.

— И ты пришла рассказать мне, как она спасает зверей?

— Я пришла сказать, что это был не зверь.

Он не отвёл взгляда.

— Говори нормально.

— Она вытащила его из капкана, — тихо, но чётко продолжила Эйра. — А когда он пришёл в себя... это оказался человек. Маг, — добавила она. — Вынужденный держаться в звериной форме.

— Ты хочешь сказать, что эта дурёха полезла к дикому зверю в капкан, будучи одна в лесу?!

— Боюсь, что так.

— Вот блядь!

— И на этом всё не заканчивается, — добавила она спустя секунду. — Он оказался не просто магом.

Арвен поднял на неё взгляд.

— Давай без загадок.

— Хранитель Синегорья, — спокойно сказала она. — И теперь он ей обязан.

И вот тут он уже не усмехнулся.

— Обязан... чем?

— Жизнью.— просто ответила она.

Тишина повисла между ними на несколько долгих секунд.

— Люди короля знают о её способностях, о её магии. Она им нужна. Нужно её увести.

— Сколько у нас времени? — серьёзно спросил Арвен, сосредоточенно сдвинув брови.

— До утра. Её здесь быть не должно. И тебя тоже.

Арвен коротко кивнул.

— Я отведу её в Синегорье сам, а потом вернусь.

— Не пойдёт. Вы должны уйти вдвоём — навсегда. Тебе здесь так же опасно, как и ей. С силой твоей магии...

Арвен резко перебил её:

— У меня нет никакой магии! — бросил он, выходя из себя.

Эйра рассеяно заморгала.

— Как это нет? Слепому видно... — сказала она махнув рукой сторону его изделий.

Арвен активно замахал головой будто отгоняя назойливую муху.

— Да нет же! — теряя терпение запротестовал он.

Эйра раздражённо зашипела и, делая шаг к нему, быстро заговорила, срываясь на крик:

— Ты совсем, блядь, слепой? Ничего не видишь и не понимаешь! Как можно настолько не понять себя и творение своих рук? — она еще раз указала на стойку с оружием. — Каждый этот клинок буквально искрит магией. Твоей маги-

ей. Той, которую ты душишь, той, которую не принимаешь!

Она стояла слишком близко, бросая резкие слова прямо ему в лицо.

Арвен удивился себе. Он никогда ещё так не выходил из себя. Эта девчонка бесила и раздражала его своей холодностью, жёсткостью и категоричностью. От первого впечатления не осталось и следа. Он побледнел от едва сдерживаемого гнева.

— Замолчи. Ты ничего не знаешь!

Парень был в бешенстве. Его лицо исказилось от смеси гнева и боли, проступавшей в темноте его глаз, обнажая душевную муку.

— Эта сила разрушит тебя изнутри, если ты не примешь того, кем ты есть!

— Довольно! — крикнул Арвен, уже находясь на грани.

— Трус! — крикнула Эйра.

Резкое слово сорвалось с её губ слишком быстро, почти без паузы, и в тот же миг она поняла, что сказала его не туда и не так, но было уже поздно. Он сорвался не в момент самого слова, а долей секунды позже — когда смысл дошёл, когда оно задело глубже, чем он позволил бы себе признать. Движение оказалось слишком стремительным, чтобы его можно было остановить: один резкий шаг вперёд, почти хищный рывок, и в следующую секунду спина Эйры уже ударилась о каменную стену, выбивая из лёгких короткий, сбившийся вдох.

Его рука легла на её горло — не сжимая до боли, не душа, но достаточно жёстко, чтобы удержать, зафиксировать, не дать двинуться. В этом прикосновении не было хаотичной ярости — скорее резкое, неконтролируемое желание остановить, заставить замолчать, удержать здесь и сейчас.

Она замерла, и это произошло не сразу от страха. Сначала — от неожиданности, от того, насколько быстро он оказался рядом, насколько резко сократилось расстояние между ними. Слишком близко. Настолько, что между ними почти не осталось воздуха. Она чувствовала тепло его ладони на своей коже, шероховатость пальцев, следы работы, к которым будто цеплялось дыхание, и это ощущение оказалось сильнее самой угрозы.

Её сердце на мгновение сбилось, словно потеряв ритм. Она ясно видела его — слишком ясно: как на коже блестят мелкие капли пота, как напряжена линия челюсти, как в тёмных глазах вспыхивает что-то, чему он сам не до конца доверял. Гнев — да. Но не только он. И именно это делало ситуацию опаснее.

Дыхание стало короче, но не из-за давления на горло — он не душил. Просто воздух вдруг показался слишком горячим, слишком плотным, и вдох давался тяжелее, чем обычно. Она поймала себя на том, что не сразу пытается вырваться, и это осознание раздражало её сильнее, чем сам факт, что он её держит.

Пальцы едва заметно дрогнули — не от страха, от расчё-

та. Она уже прикидывала, как повернуться, как ударить, как выскользнуть из его захвата.

Но он опередил её. Или остановил сам себя.

Это было видно почти физически, как будто внутри него что-то резко натянулось до предела, дошло до точки, за которой уже нельзя было удержать, — и вместо того чтобы рвануть дальше, сорвалось назад. Его пальцы на мгновение сжались сильнее, чем нужно, и тут же ослабли.

— Не говори того, чего не знаешь, — произнёс он тихо, почти на выдохе, и в этой тишине его голос прозвучал куда опаснее любого крика.

Она подняла на него взгляд и на этот раз не отвела его, хотя должна была. В её глазах больше не было той холодной, отстранённой уверенности, с которой она говорила секунду назад. Там появилось что-то другое — настороженное, острое и совершенно неуместное в этой ситуации.

Она вдруг слишком ясно почувствовала, насколько он силен — не абстрактно, не как мысль, а физически, реально, ощутимо, и это осознание отозвалось где-то глубже, чем ей хотелось бы.

Он тоже это заметил. И именно это выбило его окончательно. Сильнее, чем её слова, сильнее, чем её упрямство.

Потому что это было не то, к чему он был готов, и не то, с чем он умел справляться.

Его взгляд едва заметно дрогнул и в следующую секунду он резко отступил, словно обжёгся, убирая руку с её горла

так быстро, будто сам не хотел больше к ней прикасаться — или не мог себе этого позволить.

Он тяжело выдохнул, отворачиваясь на полшага, проводя рукой по лицу, словно пытаясь вернуть контроль, который только что почти потерял.

— Это... — он запнулся, на короткое мгновение, едва уловимое, но всё же реальное, — это не имеет никакого отношения к Лиаре.

Голос звучал уже жёстче, собраннее, но в нём всё ещё оставался остаток того, что прорвалось наружу мгновение назад.

— Я должен защитить её.

Он говорил это скорее себе, чем ей, и в этих словах было больше упрямства, чем уверенности, будто, повторяя их вслух, он пытался закрепить решение, которое уже начинало трещать под давлением происходящего.

Эйра медленно оттолкнулась от стены, выпрямляясь, не сводя с него взгляда. Тело уже вернуло контроль, дыхание выровнялось, но ощущение его руки всё ещё оставалось на коже — тонким, почти фантомным следом, который никак не исчезал, и именно это раздражало её больше всего. Она слишком хорошо умела отделять важное от лишнего, и сейчас это ощущение точно не относилось ни к первому, ни ко второму, но при этом упорно не хотело уходить.

Она сжала пальцы, словно стряхивая с себя это чужое присутствие, и заговорила уже ровнее, холоднее, возвращаясь к

тому состоянию, в котором привыкла действовать.

— Тогда слушай внимательно, — сказала она, и в голосе снова появилась чёткость, но глубже, под ней, всё ещё тянулась едва уловимая тень недавнего сбоя. — У тебя нет времени на сомнения и тем более на ошибки. До утра её здесь быть не должно.

Он стоял к ней вполоборота, всё ещё не полностью возвращаясь взглядом, словно не был до конца уверен, что хочет снова встретиться с её глазами.

— Я уже сказал, — отрезал он, — я сам отведу её в Синегорье.

Эйра чуть прищурилась, наблюдая за ним, и на этот раз позволила себе короткую, почти усталую паузу, прежде чем ответить.

— Ты не дойдёшь, — сказала она спокойно, без давления, но именно эта спокойная уверенность звучала куда жёстче любого приказа. — Не потому что слаб. Потому что не знаешь, куда идти.

Он резко обернулся.

— Я знаю эти земли.

— Эти — да, — кивнула она, чуть склонив голову. — Но не те, через которые вам придётся идти, если вы хотите остаться в живых.

Он молчал, но в этом молчании уже не было прежней уверенности. Оно стало более тяжёлым, более внимательным, будто он впервые за весь разговор действительно начал слу-

шать, а не просто сопротивляться.

Эйра сделала шаг вперёд, сокращая расстояние, но на этот раз — осознанно, контролируя каждый жест, не позволяя ни себе, ни ему снова пересечь ту грань, за которую они оба только что заглянули.

— Если вы пойдёте по тракту, вас возьмут, — продолжила она, и голос её стал ниже, тише, но от этого только отчётливее. — На каждом посту, на каждой дороге. Они не знают, как она выглядит. Но они знают, кого ищут. Девушку с даром.

Он сжал челюсть, и это было единственным внешним признаком того, что её слова попали точно в цель.

— Я могу обойти посты.

— Нет, — ответила она сразу, не давая ему зацепиться за эту мысль. — Ты не сможешь обойти всё. Я поведу вас через горы.

Он посмотрел на неё теперь уже прямо, без прежнего раздражения, но с новым выражением — внимательным, настроженным, почти холодным.

— Почему ты так уверена?

Она выдержала его взгляд, не отступая.

— Потому что я уже делала это.

Тишина снова сгустилась между ними, но на этот раз она была другой — не взрывоопасной, а напряжённой, как натянутая нить, готовая либо порваться, либо соединить.

— Ты хочешь, чтобы я пошёл с тобой, — сказал он нако-

нец.

— Я хочу, чтобы вы остались живы, — спокойно ответила она. — Всё остальное — уже последствия.

Он усмехнулся, но в этой усмешке не было прежней лёгкости.

— И с чего мне тебе доверять?

Эйра на секунду отвела взгляд, словно решая, стоит ли тратить на это ещё время, а затем коротко выдохнула.

— С того, что если бы я хотела тебя убить, ты бы уже был мёртв.

Он не ответил. И это молчание было куда показательнее любых слов.

В следующую секунду воздух в кузнице словно сдвинулся.

Лёгкое движение — почти незаметное — и её фигура на мгновение распалась в свете, а на её месте уже стояла рыжая лисица, тонкая, настороженная, с яркими, слишком умными для зверя глазами.

Ещё мгновение — и вспышка света стала ярче.

Арвен не отступил, но замер, не отрывая взгляда, будто его тело просто не успело решить, как на это реагировать.

И прежде чем удивление успело полностью оформиться, она снова стояла перед ним в человеческом облике, сжимая в ладонях шар светящейся энергии.

Она подбросила его, почти лениво, как играя, и в следующее мгновение метнула в горн.

Пламя рвануло вверх, яркое, резкое, ударяя в потолок и

тут же оседая обратно, словно ничего не произошло.

Тишина после этого показалась почти оглушающей.

— Впечатляет, — сказал он наконец, и голос его был ровным, но чуть ниже обычного. — Но это не даёт мне причин доверять тебе.

Она едва заметно усмехнулась.

— Мне не нужно твоё доверие, — ответила она. — Мне нужно, чтобы ты пошёл.

Он смотрел на неё ещё несколько секунд, будто проверяя, есть ли в её словах хоть тень сомнения. Его не было. И это, похоже, и стало решающим. Он коротко кивнул.

— Тогда идём.

Эйра впервые за всё время позволила себе выдохнуть чуть свободнее, хотя внешне это почти не отразилось.

"Уговорила, блядь, наконец-то" со злостью подумала она.

— Где сейчас твоя сестра?

— В лавке, — ответил он. — Мне нужно её забрать.

Она кивнула.

— У тебя есть час. Я пойду к вам домой и соберу все необходимое для перехода через горы.

Он нахмурился.

— Наша хижина находится...

Она подняла руку, останавливая его, и на этот раз в этом жесте не было ни резкости, ни раздражения — только уверенность.

— Не нужно, — тихо сказала она. — Я сама найду, по

запаху.

Она развернулась к выходу, но у самой двери на мгновение остановилась, будто что-то заставило её задержаться.

И всё же обернулась. Взгляд встретился с его, прямой и долгий.

— У вашей хижины. Через час, — сказала она.

И вышла, оставляя после себя тепло, запах дыма и ощущение, что что-то в этой кузнице сейчас изменилось.

Эйра нашла хижину почти безошибочно, будто её вели не только память и расчёт, но и тонкая, почти упрямая нить, тянущаяся куда-то глубже — туда, где запахи уже становились не просто следами, а чем-то личным, запоминающимся, оставляющим отпечаток внутри. Она шла от кузницы, легко, почти бесшумно, растворяясь в темноте, и с каждым шагом всё яснее различала этот запах — тёплый, чуть влажный, словно воздух перед дождём, в котором смешались металлическая свежесть, едва уловимая горечь нагретого железа и неожиданная, почти странная нота — что-то ягодное, терпкое, как крыжовник, раздавленный пальцами, — и от этого сочетания в груди появлялось какое-то странное, ненужное сейчас ощущение, будто ей хотелось задержаться в нём, вдохнуть глубже, позволить себе на мгновение забыть, зачем она здесь, но она не позволила.

Дверь поддавалась магии легко, почти слишком легко, и это на секунду насторожило её, но внутри оказалось тихо, чи-

сто, аккуратно — каждая вещь на своём месте, словно хозяин не просто жил здесь, а держал пространство под контролем, не позволяя ему распадаться на хаос, и это невольно вызвало у неё короткое, почти незаметное уважение. Она прошла по хижине быстро, но внимательно, позволяя запаху вести её, подсказывать, где лежит нужное, где спрятано то, что может пригодиться, и, не тратя лишнего времени, начала складывать вещи в небольшую сумку, выбирая только самое необходимое, уже прикидывая путь через горы — два дня, не больше, если идти без остановок, если не тянуть время, если не отвлекаться. Снадобья, что дал Кейр, могли заменить еду, снять усталость, удержать тело в движении, и этого было достаточно, чтобы не брать лишнего, не замедляться.

И всё же что-то было не так.

Это ощущение поднималось медленно, сначала почти незаметно, как лёгкий холодок под кожей, но затем крепло, расплзалось внутри, становилось тяжёлым, настойчивым, и она остановилась, сжав пальцы на ремне сумки, позволяя себе прислушаться. Элдран учил её не игнорировать такие вещи — никогда, ни при каких обстоятельствах, потому что тревога редко возникает без причины, и ещё реже ошибается. Она знала, что времени ещё достаточно, что Арвен не должен был вернуться так скоро, что у них есть запас, что всё идёт по плану — но это знание не перекрывало ощущения. Оно только делало его острее.

Она медленно выдохнула, оставила сумку там, где стоя-

ла, даже не пытаясь убедить себя остаться, и уже в следующую секунду позволила телу измениться, соскользнув в более лёгкую, быструю форму, в которой мир становился чётче, запахи — ярче, а решения — проще.

Лисица рванула в ночь.

Она бежала быстро, почти не касаясь земли, позволяя инстинктам вести её обратно к кузнице, и уже издалека почувствовала — кровь. Чужой, резкий, тёплый запах, смешанный с потом, с тревогой, с остатками чужого присутствия, которое ещё не успело рассеяться, и, когда она достигла входа, она уже знала, что увидит.

Арвен лежал на полу, неестественно раскинувшись, словно его просто бросили, не заботясь о том, как он упадёт, и на мгновение она застыла, оценивая, проверяя, убеждаясь, что рядом никого нет, что опасность уже ушла, оставив после себя только следы. Запахи были спутаны, перемешаны, но она различила главное — трое, мужской пот, резкость движения, кровь, удар — тяжёлый, сзади, без предупреждения.

Она вернулась в человеческое тело почти сразу, быстро опустилась рядом с ним, проверяя дыхание, пульс, и, убедившись, что он жив, достала одно из снадобий, мысленно коротко, почти автоматически поблагодарив Кейра с Бьёрном за предусмотрительность, и влила его Арвену, не давая себе времени на сомнения.

Он пришёл в себя не сразу — сначала только дыхание стало глубже, затем тело дрогнуло, и лишь потом он открыл гла-

за, мутные, ещё не до конца осознанные, и на секунду просто смотрел на неё, будто пытаюсь вспомнить, где он, что произошло, и почему всё внутри ноет и тянет.

— Лиара... — выдохнул он хрипло, и в этом слове было больше понимания, чем в любом вопросе.

Она не стала тянуть.

Он поднимался тяжело, но с каждой секундой приходил в себя, движения становились увереннее, взгляд — яснее, и, не теряя времени, он закрыл кузницу, словно это всё ещё имело значение, словно этот жест позволял удержать хоть какую-то часть прежнего порядка, и они вместе побежали к лавке.

Там было пусто.

Пустота ощущалась сразу — не только глазами, но и телом, как отсутствие привычного дыхания пространства, как обрыв, и Арвен на мгновение замер, оглядываясь, словно надеялся, что она просто спряталась, что всё это ошибка, но Эйра уже знала.

— Кто? — спросила она тихо, не глядя на него.

— Не видел, — ответил он, сжав зубы. — Ударили сзади... потом ещё... — он коротко вдохнул, и она заметила, как он на секунду напрягся, — по рёбрам. Пока я был без сознания.

Она кивнула, словно это только подтверждало то, что она уже поняла, и, не объясняя больше ничего, сказала:

— Следуй за мной.

И снова позволила телу измениться.

Теперь он бежал за ней.

Дорога тянулась в темноте, и ночь словно сжималась вокруг них, пропуская вперёд только узкий путь, по которому они двигались — быстро, без остановок, почти не разговаривая, потому что слова здесь были лишними. Арвен бежал тяжело, но упрямо, игнорируя боль, цепляясь за движение, за её силуэт впереди, за самую необходимость идти дальше, а Эйра вела, не замедляясь, считывая запахи, улавливая малейшие изменения, различая следы, которые для него были невидимы.

Она чувствовала их — троих.

Чувствовала, как они двигались, как гнали, как преследовали.

И чувствовала Лиару.

Её запах был другим — легче, теплее, с тонкой, почти незаметной ноткой трав и чего-то ещё, что не поддавалось объяснению, и этот след сначала был чётким, затем рваным, а потом...

Они вышли на поляну.

Выжженную.

Чёрная земля, обугленные края, запах сгоревшей травы, магии, прошедшей здесь слишком резко, слишком мощно, чтобы оставить после себя что-то живое, и Арвен остановился так резко, что едва не потерял равновесие, глядя на это, не понимая, отказываясь принимать.

— Где она?.. — голос его сорвался, и в нём уже была па-

ника, открытая, жёсткая.

Эйра не ответила сразу.

Она медленно прошлась по краю поляны, опускаясь ниже, касаясь земли, вдыхая глубже, позволяя себе увидеть то, что не видно глазу — остатки, следы, обрывки.

Здесь была сильная магия. И она оборвалась.

Не рассеялась, не ушла — именно оборвалась, как будто пространство просто разрезали и забрали с собой то, что было внутри.

Она выпрямилась.

— Её здесь нет, — сказала она спокойно, но твёрдо. — Уже нет.

Он повернулся к ней резко.

— Что это значит?

— Это значит, что её забрали, — она встретила его взгляд прямо, не давая ему уйти в панику, — но не они.

Она кивнула на следы.

— Их было трое. Они гнали её. Те же, что напали на тебя.

Он сжал челюсть.

— Варден...

Имя прозвучало как подтверждение.

— Да, — тихо сказала Эйра. — Но они не смогли бы сделать это, — она снова посмотрела на выжженную землю. — Это не их уровень. Это магия.

Она сделала паузу, давая ему время понять.

— След обрывается. Не уходит — исчезает. Значит, её вы-

рвали отсюда. Телепортация... или что-то сильнее.

Он молчал, но дыхание его стало ровнее.

— Значит... — он не договорил.

— Значит, она жива, — сказала Эйра. — И, скорее всего, уже в Синегорье.

Он поднял на неё взгляд.

— Хранитель?

Она кивнула.

— Если кто и мог это сделать — то он.

Тишина повисла между ними, тяжёлая, но уже не разрушительная, а собирающая.

— Тогда... — он сделал шаг вперёд, будто уже принимая решение, — нам туда.

Она смотрела на него несколько секунд, оценивая — не силу, не готовность, а именно решение, то, что держит человека на ногах, когда всё рушится, и затем медленно кивнула, будто решение уже было принято за них обоих:

— Нам нужно идти.

Он не ответил сразу.

Только смотрел на неё несколько долгих секунд, словно взвешивая не слова — что-то другое, глубже, важнее, то, что нельзя было ни объяснить, ни отложить.

— Арвен.

Она не сразу поняла, о чём он.

Взгляд её чуть дрогнул, скользнул по его лицу, задержался, пытаясь уловить смысл сказанного.

Он сделал короткую паузу, будто давая ей время догадаться, и добавил уже тише, но твёрже:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.